

Дойти до горизонта

Автор:

[Андрей Ильин](#)

Дойти до горизонта

Андрей Александрович Ильин

Арал умирает. Умирает, как раковый больной, медленно, но неотвратимо. Суша пожирает море, песок наступает на воду. Острова соединяются с материком, полуострова возвышаются среди пустыни, словно могильные камни. Земснаряды перестали углублять фарватер, потому что флота больше нет. Брошенные суда ржавеют на берегах, изъедаются разносимой ветром сухой аральской солью. Моряки работают конторщиками, служители маяков – сторожами. От восточного берега море ушло почти на сто километров. Остается дно, превратившееся в страшную соленую пустыню.

Андрей Ильин

Дойти до горизонта

Глава 1

Проводница со скрежетом захлопнула верхнюю ступеньку.

– Счастливо утонуть, – радостно пожелал на прощанье из окна мужчина сомнительного вида, много и часто надоедавший нам в пути.

– Спасибо за заботу и сердечные пожелания, – столь же любезно раскланялся Сергей Салифанов. – Мерси!

Последний вагон простучал на рельсовых стыках, мигнули иронично два фонаря, и мы остались на куче вещей. Глянешь издали – пирамида Хеопса. Что делать дальше – не знали. Опыта подобных путешествий у нас не было.

Для начала перебрались через пути на перрон. Когда последние рюкзаки опустили под тусклый вокзальный фонарь, Васеньев, с трудом разогнув поясницу, категорично заявил:

– К морю это барахло не потащу!

– А что будешь делать? – наивно удивился я.

– Пойду в кассу. Покупать билет в обратную сторону. Женский состав экспедиции в разговоры не встречал и очень споро разворачивал поверх вещей спальные мешки, устраиваясь на ночь. Ими в позе великого военачальника на поле битвы руководил Салифанов.

– Этот спальник – в ноги! Рюкзак – в головы! Женщины, суетясь, выполняли распоряжения.

– А ты что скажешь? – обратился к нему Васеньев. Сергей, отвлекшись от своих полководческих забот, пожал плечами:

– Я согласен!

– С кем? – переспросил я на всякий случай.

– Со всеми, – дипломатично ушел от ответа Сергей. Васеньев, резко развернувшись, зашагал в сторону вокзала.

– За билетами? – крикнула вдогонку Наташа Монахова.

Сергей, тихо хихикнув в сторону удаляющейся фигуры, заметил, что теперь одна пайка высвобождается, и начал разворачивать кухню. Его желудок требовал

калорий.

– Начальник, я вскрою сгущенку? – не столько спросил, сколько известил меня Салифанов, занеся над банкой нож.

– Ладно, – оберегая свой авторитет, еле успел согласиться я. Белая густая масса уже выползала наружу.

– По?моему, все замечательно, – философски заметил Сергей, слизывая молоко. – Харч есть. Ночи теплые...

Он отложил банку, выудил из кармана помятую сигаретку, зажег и со вкусом выпустил кольцо дыма.

– Загорать можно прямо здесь. Купаться по очереди. Два раза в неделю по желанию ходить в кино или на танцы.

Он был настроен крайне благодушно. Наташа и Татьяна слушали его одобрительно, и по их виду тоже нельзя было сказать, что они рвутся в море. Получалось, что я оставался наедине со своими грандиозными планами. Сергей установил на горящий примус кастрюлю с водой, которую принесла Татьяна. Он определенно вознамерился сегодня почаевничать. Помешал Васеньев. Совершенно взмыленный, он выскочил с противоположной той, куда ушел, стороны и, размахивая руками, закричал:

– Быстро собирайтесь! Я с машиной договорился! Не дожидаясь нас, схватил два рюкзака, крякнул под их тяжестью и, шаркая подошвами об асфальт, шагнул в темноту. Нам ничего уже не оставалось, как последовать его примеру.

Перебравшись через запасные пути и какой?то низенький заборчик, мы оказались на небольшой площади.

– Сюда приедет скоро, – объяснил Валера и вновь рысью бросился на перрон.

«Скоро» машина не пришла, не пришла она и «позже» и после «потерпите немного». Только к самому утру дребезжащий «газончик» в клубах пыли выскочил на площадь.

Увидев гору вещей, шофер захлопнул открытую было дверцу и сказал, что за цену, указанную тем мужиком (он ткнул пальцем в Валеру), о поездке не может быть и речи.

– Хорошо, о какой сумме может идти речь? – спросил я, мысленно прикидывая наши финансовые возможности.

Шофер, не моргнув глазом, назвал сумму, на которую, чуток накинув, можно было наверняка купить его машину со всеми запчастями.

– Дядя, это город Аральск или тexasские прерии? – присвистнул от удивления Салифанов. – Вы не правильно нас поняли. Мы не собираемся закупать вашу автобазу, мы просто хотим доехать до моря.

Шофер не спешил уезжать.

– Ладно, – сказал он и с легкостью сбросил две трети суммы.

– Папаша, за такую сумму я все это унесу туда, обратно и снова туда.

Сергей, похоже, знал, как нужно разговаривать в таких случаях.

– А сколько вы хотите? – спросил шофер.

Я открыл было рот, но Сергей остановил меня и, обернувшись, заговорщики нам подмигнул.

Через секунду до нас донесся возмущенный вопль водителя.

Наверное, своей суммой мы оскорбили его лучшие чувства. Невольно с тоской взглянули на вещи. Но дверца не открылась. Торг продолжался. О чем?то монотонно бубнил салифановский голос. Новый вопль, но более тихий, вырвался из кабины, и минут через пять, довольные друг другом, на подножке появились Сергей и шофер.

– Для таких замечательных ребят я отвезу все даром, – заявил растроганный водитель. «Даром» выразалось в скромной двузначной цифре. С деньгами,

составлявшими почти весь наш резерв, я расставался с трудом.

– Давай, давай, – торопил меня Сергей. – Не нервируй этого достойного представителя повелителей механической тяги.

Я протянул деньги, и шофер, скомкав, засунул их в карман, еще раз напомнив, что везет нас практически бесплатно, только из уважения к нашим с первого взгляда понравившимся личностям. Деньги, которые уже уплачены, жалеть бессмысленно, и я постарался о них забыть.

Загрузились быстро. Влезли в кузов, стали устраиваться поудобнее, настроившись на дальнюю дорогу, но машина остановилась минут через пятнадцать.

– Что, поломка? – забеспокоились мы наверху.

– Почему? Приехали, – объявил шофер. – Вам море нужно было. Вот оно.

Мы с сомнением посмотрели на узкую мутную реку. Я вспомнил о потерянной сумме.

– А где же море?

– Вот оно, – вновь указал водитель на реку. – Это канал, а через два километра море. Все, спасибо.

– Спасибо, – выдавил я из себя, стараясь вложить в благодарность все, что чувствовал к нему в этот момент.

Но, видно, мои актерские данные оказались не на высоте или у шофера было слабо развито зрительное восприятие.

– Пожалуйста, всегда рад помочь хорошим людям, – радостно попрощался он и уехал.

– Если это море, то мы тогда, конечно, просоленные морские волки, – ехидно, хотя и резонно заметил Сергей.

– А ведь оно, точно, соленое! – заметила Наташа Монахова, успев попробовать воду на вкус.

Надо сказать, первая встреча с морем мало напоминала типичные курортные картинки с нежным прибоем, экзотичными растениями и шоколадного цвета женщинами. Увы, жизнь несколько расходилась с туристскими проспектами.

– Однако тут рядом военные корабли, – информировал нас Васеньев.

– Привез дядя, – обреченно констатировал Сергей. На ближайшем корабле вспыхнул, резанул темноту прожектор, пошарил по берегу, уперся в нас.

– Вы когда-нибудь чистили картошку в больших количествах? – вяло поинтересовался Сергей.

– А при чем здесь это? – одновременно удивился женский состав экипажа.

– Обычно тех, кто попадает туда, куда им попадать не следовало, заставляют пару недель чистить картошку, а потом отпускают домой, – объяснил Салифанов.

– Сейчас нас рассматривают в бинокли, – предположил я.

Все притихли, дружно изобразив на лицах застенчиво-виноватые улыбки.

– И выдают боевые патроны караулу, – не убирая улыбки, продолжил мысль Валера. – Сейчас они тихо опустятся по трапикам, взведут затворчики у карабинчиков и мило сопроводят нас на гарнизонную гауптвахту.

Прожектор неожиданно погас. Еще минуты две мы стояли в темноте, боясь пошевелиться.

– Наверное, их испугало количество наших вещей, – выдвинул версию Сергей.

– Предлагаю отправить на разведку женский состав, – предложил Валера. – Женщины с военными обычно договариваются быстрее.

Мужской состав немедленно выразил полное согласие с данным предложением.

- Но?о! - попыталась возразить Татьяна. Сергей не дал развиваться прениям, легонько подтолкнул их в сторону стоящих кораблей:

- Надо, девочки, надо!

Скоро разведотряд вернулся, принеся благоприятные для нас стратегические сведения. На приколе стояли самоходные баржи. Ничего секретного в них не было. Команда в лице вахтенного матроса приглашала в гости.

- Вы знаете, армейские каши и масло мне всегда нравились больше гражданских, - поделился с нами воспрянувший духом Сергей.

- Почему? - удивился я.

- Хотя бы потому, что они обычно достаются бесплатно.

Часа через два, изрядно опустошив корабельный камбуз, осоловев от обилия еды, чая и разговоров, мы опустились на прибрежный песок.

- Теперь я отсюда раньше, чем через неделю, не двинусь, - оповестил всех Сергей, довольно поглаживая себя по заметно округлившемуся животу. - Что я - умалишенный, переходить с такого рациона на наши концентраты!

- Э, мужики, вы не расслабляйтесь! Нам сейчас камеры качать! - призвал я к порядку расслабившийся экипаж. Но было поздно. Васеньев разворачивал одеяла.

- Ты давай, давай дальше бухти про камеры, насосы, а мы вздремнем минуток восемьсот, - сказал он.

- Да вы что? - возмутился я. Сергей вползал в спальный мешок.

- Невоспитанные люди, - согласился он со мной. - Так и норовят увильнуть от работы. - И, укрывшись с головой, свернулся калачиком. - Ты разберись с ними,

Андрюха, – пробубнил он изнутри.

Я оказался в дурацком положении. Мои товарищи уже легли, а я столбом торчал на берегу. Для того чтобы затевать скандал, надо было как минимум поднять их, а это едва ли возможно. А стоять так всю ночь тем более глупо. В конце концов, мы не спали уже почти сутки. Ладно, завтра утром поговорим. Я выдернул из рюкзака одеяло и, постелив его, лег на песок. Было довольно прохладно. Чуть слышно плескалась вода. Я лежал и не мог осознать себя возле моря, за сотни километров от дома. Никаких необычных ощущений. Сплошная проза. С таким же успехом можно валяться в детской песочнице у себя во дворе. Честно говоря, мне верилось слабо, что в ближайшие дни мы войдем в море. Ладно, утром будет виднее, и в прямом и в переносном смысле.

Ночью снилась всякая чушь. Плот, по форме и размерам подозрительно напоминающий корыто, плыл по каналу, который все более мелел и сужался. Мы чувствовали, что плывем не туда, но почему? то не могли вернуться. В конце концов канал окончился родничком. Салифанов взял лопату и стал ковырять землю.

– Надо копать и искать море, – объяснил он. Я тоже начал копать, чувствуя, что делаю не то. Чем глубже мы зарывались, тем становилось жарче.

– Центр Земли близко, – торжественно разъяснила Татьяна. Я начал задыхаться.

– Мне жарко! – попытался закричать, но голос застрял в пересохшей глотке. – Сейчас будет тепловой удар, – отчетливо понял я и вынырнул из кошмара.

Последнее ощущение сна прекрасно совпадало с окружающей действительностью.

Жара была не менее сорока градусов. Одежда прилипла к потному телу, словно оно было вымазано клеем. Собственная кожа была противна до тошноты. Возле меня никого, даже спальники свернуты и упакованы в рюкзаки. Значит, все встали. Недалеко от воды, прислоненные друг к другу, стояли полтора десятка накачанных автомобильных камер, матово поблескивающих на солнце черными боками. Разбор вчерашнего поведения команды, естественно, отменялся. Праведное раздражение сменилось чувством неловкости. Когда они успели надуть камеры?! Непонятно! Я подошел к берегу и прямо в одежде бухнулся в

канал. Вода сомкнулась надо мной, подхватила. Силы возвращались вместе с прохладой. Блаженство! Я всплыл на поверхность, огляделся. Пустынный пейзаж, кое-где чахлые кустики, стальные утюги барж у пирса – окружение к оптимизму не располагающее. Я набрал в рот воды и тут же выплюнул ее.

– Фу, гадость какая!

Выполз на берег. Настроение упало раньше, чем я высох.

– Там тебе суп оставили, – проходя мимо, показала на кастрюлю Татьяна.

– Когда успели накачать? – остановил я ее, кивнув на камеры.

– Так их с корабля компрессором надули, – разъяснила она.

– А где мужики?

– В город за хлебом ушли.

Сергей с Валерой появились часа через три.

– Ничего городок, славненький, – оценил Салифанов, обращаясь к девчатам. – Газировку пол-литровыми кружками продают. Кинотеатр есть.

Я вновь выпал из разговора, меня просто не замечали. Правда, две недели не тот срок, за который можно воспылать чувствами к ближнему. Спасибо и за то, что согласились на это авантюрное предприятие. Я вздохнул и, стараясь не мешать беседе, тихо отошел к «стапелям», с которых в скором будущем должен был сойти наш парусный флот. Вокруг в беспорядке валялись дюралевые трубы, болты, металлическая сетка, инструменты. У любого человека при виде этой груды железа невольно рождались воспоминания о весеннем сборе металлолома, межклассном соревновании и матерчатых транспарантах на борту грузовиков: «Все ненужное – на слом, соберем металлолом!»

Хотелось засучить рукава и сделать что-то хорошее и большое для нашей металлургической промышленности. То, что на этом можно плавать, не пришло бы в голову ни одному здравомыслящему человеку.

Я взял первую попавшуюся трубу, нашел маркировку. Глубоко в металл были вбиты цифра "4" и буква "В". «4 В» – значит продольная кормовая труба, расшифровал я и уложил ее на песок. К ней пристроил еще две. Получился угол. Дальше пошло легче. Каркас рос в ширину и длину, приобретая правильные геометрические формы. Я был доволен. Обычно на эту процедуру уходило больше времени и нервов. Я отошел в сторону и любовался своей работой. Теперь оставалось засунуть трубы во втулки и закрепить их шпильками.

– Что это ты трубы разбрасываешь? – отвлек меня голос Войцевой. Я оглянулся. Татьяна стояла с совершенно счастливым выражением на лице и держала в руках две полутораметровые трубы.

Я еще раз взглянул на каркас и оторопело сел на песок. Начиналась веселая игра под названием «Куда сунуть трубу»...

– Если дружно постараемся, завтра к вечеру сможем отплыть, – размечтался я за вечерним чаем. Сергей скептически ухмыльнулся.

– Твоими бы устами да сгущенку пить, – заметил он.

– Если встать часов в шесть и не сачковать, то к полудню можно закончить со сборкой. Останется привязать камеры, поставить паруса, – горячась, разъяснил я свой оперативный план.

– А продукты, запасы воды, бензин? – остудил меня Сергей.

– Ну, хорошо, в крайнем случае можно отчалить послезавтра утром, – пожертвовал я полусутками. С каждым часом я расставался, как Гобсек с франками.

– Ты что, предлагаешь ночью работать? – не столько возмутился, сколько удивился моей наивности Валера.

– А почему бы и нет. Нам с корабля прожекторы посветят. – Сергей отвернулся, скрывая усмешку. Я чувствовал, что лезу на рожон. В конце концов, выйдем ли мы завтра, послезавтра или через два дня, решающей роли не играло. Но я начал сомневаться, выйдем ли мы вообще. К тому же меня «понесло».

– А спать когда же? У нас ведь кое-кто до сна шибко охоч, – не сдержавшись, уколол Сергей.

– В море отоспимся! Мы, по-моему, плавать приехали, а не животы отлеживать, – попытался я подвести итог дискуссии и, встав, пошел к берегу.

Работал я около часа, но никто ко мне не пришел. Не пришли и через два. Возле лагеря, выбрасывая вверх языки пламени, горел костер, слышались невнятные голоса. Похоже, там обсуждали создавшееся положение. Я постепенно остывал, и мне становилось стыдно за срыв. Подошла Татьяна, постояла минутку и спросила:

– Тебе помочь?

Я отрицательно покачал головой:

– Сам справлюсь.

Дурацкое самолюбие! Ведь я уже понял, что перегнул палку. Но показать свою слабость... Нет, лучше я буду возиться один.

– Если понадобится помощь – позови. Хорошо? – примирительно сказала Таня и повернулась к лагерю.

– Хорошо, – ответил я, но никого не позвал. Утром ничего не изменилось. Мужики ушли в город, зажав под мышками канистры под бензин. Девчата чистили песком посуду, варили. Я продолжал возиться с плотом, хотя начинал подумывать о том, что лучший выход из сложившейся ситуации – покупка билетов на обратный путь. Один плыть я не мог, а экипаж, как мне казалось, тихо саботировал саму идею плавания. Опереться было не на кого. Даже недолюбливающие друг друга Сергей и Валера на этот раз объединились. Похоже, их всех устраивал курортный отдых на диких пляжах Аральского моря. Выйти в море – значило не только прервать отдых, но и подвергнуть себя определенному риску.

Но, с другой стороны, был ли я вправе требовать от них «каторжный труд». Ведь, как выразился Салифанов, ни сверхурочных, ни премиальных, ни даже

повышения пайка сладкого от меня ждать не приходилось. В общем, я запутался окончательно. Что было делать? Раздуть крупный скандал? Тянуть время? Идти на мировую? Подходили все три варианта.

Первый был самый простой и не самый оригинальный. С год назад группа, похожая на нашу, собравшись на Приполярный Урал, три дня просидела в палатке, переживая пургу и выясняя отношения, а на четвертый быстрым маршем вышла к ближайшей станции и разъехалась в разные стороны.

Второй вариант больше устраивал моих спутников, но меньше меня. Время работало на них, это я понимал хорошо.

Третий вариант подходил больше всего, но как его осуществить? Вывешивать белый флаг – значило распрощаться с идеей иметь хоть какое-то право голоса. Они и так уже сообразили, что я завишу от них много больше, чем они от меня.

– Мы занимаемся туризмом, а ты афоризмом, – при нашем знакомстве, месяц назад, первым делом заявил Сергей. – Пойти с тобой мы пойдем, но, если что, не обессудь, сделаем тебе ручкой. Единственно, что обещаю твердо – твой плот и кое-что из имущества до ближайшей железнодорожной станции дотащим. По рукам?

Выбора у меня не было. Старый экипаж распался за четыре недели до отплытия. Билеты были уже куплены. Я принял условия. О чем теперь говорить?

Я продолжал по инерции возиться с плотом, продумывая, чем могу убить сохранившийся остаток отпуска. Вечером за ужином я поставил вопрос ребром.

– Значит, так, – начал я деревянным голосом, – если за два дня не встанем на воду, предлагаю свернуть лагерь и отправляться по домам.

Все подняли глаза от чашек. Наташа неторопливо облизала ложку и, отложив ее в сторону, уставилась на меня – приготовилась к очередному представлению.

– Андрюха, не переживай, – попытался успокоить меня Валера, – лучше супчика похлебай. Супчик, он способствует...

– Отстань со своей баландой! – вновь сорвался я на крик – Мы сюда не жрать приехали и не по городу шляться!

– Чего нервничать? – удивился Сергей. – Не хочешь есть, с другим поделись. – Он слил суп из моей чашки в свою. – Тебе хорошо, и нам приятно.

Есть мне хотелось, и даже очень, и то, что мой супчик сейчас исчезнет в бездонном желудке Салифанова, подлило масла в огонь, бушевавший у меня внутри.

– Прекратите жрать! – заорал я со всей силой, на которую был способен.

Татьяна от неожиданности выронила ложку, которая со звоном грохнулась в миску. Сергей удивленно взглянул на меня. Такой прыти он явно не ожидал. Я опешил не меньше их. Гаркнуть?то я гаркнул, а что дальше? Все ждали продолжения. Держать долго взятое форте я не мог, не хватало объема легких и духу. Секунду я еще постоял в грозной позе: кулаки сжаты, брови собраны в пучок. Я собирался высказать все, но неожиданно обмяк, словно сдувшаяся камера, осел на песок и тихо, даже жалобно сказал:

– Слушайте, я, наверное, не прав во многом, но плыть?то надо. Просто очень хочется плыть!

– Во?от! – торжествующе протянул Салифанов и

Многозначительно поднял вверх свой грязный указательный палец. – Вот это уже тема для разговоров!

– Давайте попытаемся отчалить к вечеру, – попросил я. – Завтра!

– Послезавтра, – поправил меня Сергей.

– Хорошо, послезавтра, – согласился я. – Но это крайний срок?

Над моими крепостями взвились белые флаги. Я сложил оружие и безоговорочно капитулировал.

– Ты мудрый человек, начальник, хотя почему-то немножко нервный, – отпустил мне комплимент Салифанов – Ты вовремя закопал томагавк. В самый раз!

Капитуляция была признана почетной. Выплыли мы через двое суток.

Глава 2

На берегу собралась толпа. Поменьше, чем это бывает во время футбольного матча, но побольше, чем собирается на домашние вечеринки. Человек пятьдесят – точно. Люди стояли скучно, как после дорожно-транспортного происшествия, когда смотреть уже не на что, но и уходить не хочется.

Мы начали перетаскивать на плот рюкзаки с вещами и продуктами, мешки с инструментом, кухонным имуществом, аптечкой. Последним затаскивали столитровый бак с пресной водой, сваренный из двух оцинкованных корыт.

– Улыбайтесь, – шипел побагровевший от напряжения Салифанов. – На нас люди смотрят. Делайте вид, что это доставляет нам удовольствие.

Подошвы ботинок разъезжались в песке, бак норовил соскользнуть с пальцев и грохнуться нам на ноги. Мы пыхтели, качались из стороны в сторону, ударялись плечами. Дотащили бак до берега, плюхнули его в воду. С минуту стояли согнувшись, шумно отдуваясь.

– А что бы с нами сделалось, если бы мы взяли запас воды на все плавание? – предположил Валера.

– Не надо про ужасы! – попросил Сергей. По воде бак транспортировать было довольно легко. Благодаря тонкому слою воздуха, оставшемуся в верхней части, бак держался на плаву. Сложнее было втащить его на плот. Сергей засучил рукава, поплевал на ладони и спросил:

– Андрюшка, ты в чем сильнее, в жиме или толчке? Я к тому, что, может, мы тебе мешаем, развернуться не даем, – пояснил он. – Ты скажи, не стесняйся.

- Да нет, ничего, валяйте, - успокоил я его.

- Я как лучше хотел, - вздохнул Сергей. Мы ухватились руками под днище.

- И?и?и раз! - скомандовал я.

Дернули бак вверх, и ровно на столько же погрузились в зыбкое дно.

Попробовали еще раз, и зарылись в дно по колению.

- Вы чего это? - обалдело спросила с плота Войцева, рассмотрев наши головы, недвижимо торчащие возле плавающего бака.

- Отдыхаем! - ответил Сергей. - Нравится нам здесь.

Посидели еще немного.

- Может, еще разок дернем? - предложил Валера. Сергей прикинул на глазок оставшиеся на поверхности сантиметры наших тел и ехидно хихикнул:

- Попробуй, а мы поглядим!

Толпа на берегу оживилась, приблизилась. Сидеть так дальше становилось неудобным. Надо было либо тонуть, либо выбираться.

Решили втаскивать сверху, с плота. Навалились локтями на бак, утопили его до дна, оперлись, выдернули из грунта ноги. Потом обвязали бак веревками.

- Девочки, есть типично женская работенка, - закричал Сергей.

Уже впятером, двое снизу, трое сверху, втянули бак на плот, привязали его к каркасу толстым промасленным вонючим канатом, подаренным мотористом с баржи.

- И все на том! - подвел итог погрузочным работам Сергей и стер с рук капли мазута.

– По местам стоять! С якоря сниматься! – весело гаркнул Валера.

Наступила торжественная минута. Несколько человек в провожающей нас толпе замахали руками и закричали что-то на прощанье. Стало чертовски приятно. Жизнь сулила одни положительные эмоции.

– Руби кормовой! – наслаждаясь моментом, командовал я – Поднять паруса!

Валера, ухватившись за фал, резко потянул его вниз. Темное полотнище грот-паруса, сшитое из бязи и мешковины, поползло по мачте вверх. На берегу раздались смешки. Но на весельчаков шикнули. Торжественность момента возобладала. Все-таки это были паруса, и отходили мы не так себе – прогуляться до вечера, уходили в открытое море.

Грот вытянулся до топа мачты, схватил ветер. Плот зашуршал баллонами о воду, набирая скорость.

– А мы плывем! – удивленно ойкнула Монахова. – Честное слово, плывем.

Я обвел всех торжествующим взглядом. На моем лице недвусмысленно читалось, что все это естественно и иначе быть не может.

– Между прочим, ничего! – оценил начало плавания притихший Салифанов. – Почти хорошо. На берегу кто-то крикнул:

– Счастливого плавания!

Оживленно заметались над головами фуражки и носовые платки. Мы немедленно приосанились. Сергей несколько раз небрежно махнул рукой. Плот отходил все дальше. До берега уже было метров сто пятьдесят. Нас распирало от чувства собственной силы и исключительности. В это время плот начал несильно уваливаться вправо.

– Андрей! – окликнула меня Татьяна, которая стояла возле руля и не знала, что предпринять.

Неспешной походкой человека, знающего себе цену, я направился на корму. Валера и Наташа почтительно расступились. Я чувствовал, что мой авторитет растет прямо пропорционально расстоянию, отделяющему нас от берега.

– Это делается так, – небрежно объяснил я Войцевой. – При повороте влево румпель толкаешь вправо от себя до упора. Ясно? – Татьяна молча кивнула. Одной рукой, без видимого напряжения, я двинул руль в указанном мною направлении. Ничего не изменилось. Плот по большой дуге уходил вправо. Все устали на меня, ожидая дальнейших действий.

– Подтяните грот, – уверенным тоном распорядился я, хотя был мало уверен, что это поможет. Дуга поворота начала превращаться в круг. Грот с громким хлопком перекинулся на другую сторону. Мы вновь приближались к берегу.

– Стаксель ослабьте!

Валера вытравил стаксель?фал и вновь устал на меня.

На берегу наш странный маневр истолковали по-своему. Люди, стоящие в толпе, кричали и приветственно сжимали руки над головами. Похоже, они решили, что мы продемонстрировали особый морской шик, завершив в точке отхода прощальный круг. Такая демонстрация филигранного мастерства судовождения. Мои товарищи в глубине души, наверное, тоже надеялись на это.

Плот вновь по плавной дуге стал уходить от берега. Я с ужасом и надеждой ждал того момента, когда мы достигнем точки, с которой следовало идти прямо. Вдруг вырвемся? Но чуда не произошло... Когда я понял, что плот заворачивает на второй круг, я почувствовал, что капитанские погоны опадают с моих плеч, как сухие листья с осенних деревьев.

Я повернулся и сделал вид, что исправляю что-то в руле. Когда мы во второй раз проходили возле берега, люди стояли молча. Только кто-то один, еще не оценивший ситуацию, звонко крикнул:

– Семь футов под килем!

– На берег нам нельзя. Они нас растерзают! – твердо заявил Валера!

– Ильичев, уходи в море! – с угрозой в голосе зашипел Салифанов и, обернувшись, ослепительно улыбнулся провожающим.

– Айн момент! – бодренько успокоил я всех, прикидывая, как бы сподручнее дезертировать с плота.

Когда мы завершали четвертый круг, в толпе уже свистели. Салифанов сидел, опустив лицо вниз, тихо, но внятно угрожал:

– В парусном флоте за такие штуки вешали на реях. Мы уваливались на пятый круг. Наташа демонстративно легла на носу плота на доски и накрыла лицо панамой. Она явно отмежевалась от меня и моей затеи.

– Шестой пошел! – объявил Валера,

– Он держит свои обещания, – усмехнулся Салифанов, кивнув на меня. – Он обещал нам море? Вот оно, пожалуйста Он говорил о плавании? Я не могу утверждать, что мы стоим на месте. А про то, что мы будем плавать столь оригинальным способом, он ничего не говорил. Капитан! – окликнул он меня – Можно узнать, на сколько суток рассчитано плавание?

Татьяна и Наташа тихо засмеялись Толпа на берегу рассосалась. К нам привыкли. Мы стали фоном. Там – море, там – город, а здесь – эти, на плоту вторую неделю крутятся.

Я лихорадочно соображал, как можно порвать этот порочный круг. Изобразить цирковую лошадь, ограниченную тринадцатью метрами арены, мне как-то не улыбалось.

– Может, веслами погребем? – несмело предложил я.

– До какого побережья? – снова сострил Салифанов. – Это в контракте не оговаривалось.

– Десятый кружок! Маленький, но приятный юбилей, – сообщила Войцева. Я ожесточенно закрутил рулем во все стороны. Плот даже не шелохнулся. Он

продолжал ходить по кругу, как человек с завязанными глазами. Чертовщина какая?то! Месяц назад, на ходовых испытаниях дома, он же управлялся! Что изменилось? Плот тот же. Стоп! А руль?то другой, с меньшей площадью!

Во мне забрезжила надежда. Торопясь, я схватил лист толстой фанеры, лежавший у борта, и сунул его в воду параллельно перу руля. Плот чуть рыскнул влево. Этого даже никто не заметил, но стало очевидным, что дефект устраним. Плот разворачивался все больше, вставая на заданный курс. Мои товарищи, почувствовав какую?то перемену, закрутили головами.

– Никак проскочили? – удивился Валера. От увеличившейся скорости под баллонами забурлила вода.

– Там какая?то штуковина поперек пути стоит, – высунула голову из?под паруса Наташа.

– Буй, что ли? – переспросил я.

– Нет, здоровенная. Мы прямо на нее идем. Я привстал, но ничего не увидел. Весь обзор по правому берегу мне перекрывал грот?парус.

– Уже близко, – добавила Монахова. Об этом я и сам догадался по жуткому металлическому скрежету, доносящемуся спереди.

– Ильичев, ты давай отворачивай, а то как бы того... – забеспокоился Валера.

Я лег на настил, прополз под парусом. Прямо по курсу стоял работающий земснаряд. Гремя шестернями, он черпал донный грунт, углубляя фарватер.

– Сейчас он зажуёт нас вместе с песочком и не подавится, – успокоил нас Сергей.

Я круто заложил руль вправо. Маневр удался, но положение не улучшалось, и заметно усилился снос плота. Нас бочком, помаленечку оттаскивало к земснаряду. Приближающиеся лязг и грохот не предвещали ничего хорошего. Было бы крайне обидно оканчивать плавание и жизнь среди металлических ковшей.

– Кеп, дай?ка веслецо! – протянул руку Валера.

– И мне, пожалуй, для разминочки, – поддержал идею Сергей, устраиваясь поудобнее у борта. Он пропел на мотив известной песни:

– Если трамвай на твоём пути, кто?то должен уйти! Весла разошлись по рукам мгновенно. Пять лопастей разом опустились в воду. Оттолкнулись, выиграли метра полтора. Заметно прибавили в ходе. Земснаряд, бессильно скрежеща металлическими зубами ковшей, проплыл метрах в шести?десяти сбоку.

– Ещё сюрпризы запланированы? – перекрывая шум, заорал мне в ухо Валера.

Я неопределенно пожал плечами. Кабы знать, где придется еще падать...

Начали помаленьку обживаться. Фанеру намертво прикрутили к перу руля. Вещи рассортировали, уложили на корме. Освободили площадку под спальные места, расстелили поверх металлической сетки настила полиэтилен. Раскатали на нем спальные матрасы. Сергей и Валера тут же упали на них сверху. Сергей поерзал спиной.

– В общем, ничего. – Он остался доволен, закинул ногу на ногу, закурил, наблюдая, как ветер припечатывает дым к полотнищу паруса.

– Будьте любезны, музыку какую?нибудь, – голосом капризного санаторного отдыхающего попросил он.

Монахова включила «Альпинист».

«...Ураган пронесся над островом, произведя крупные разрушения. Волна, обрушившаяся на прибрежные пляжи...» – начал пугать приемник приятным дикторским баритоном.

Сергей приподнял голову, поморщился.

– Давайте не будем здесь про это! – запротестовал он.

Наташа крутнула ручку настройки. Я передал на минуту румпель Татьяне и открыл первый ослепительно чистый лист «Судового журнала».

«17.30. Вахту принял Ильичев, – стараясь ровнее выводить буквы, написал я. – Курс 175°. Ветер Сев. – Вост.». Плавание началось.

Глава 3

Удивительная это штука – ночные вахты. А уж первые – тем более. Все еще внове, все удивляет, будоражит воображение...

На юге темнеет быстро, как будто кто выключателем щелкает. Солнце ложится в песок, все кругом сереет, цвета исчезают. У нас на Урале закат – только начало вечера, еще часа три светло, гуляй – не хочу. А здесь через полчаса хоть глаз выколи, как в ящике. Темнота такая плотная, что, кажется, ее можно рукой пощупать или, например, кусок ножом отхватить и бандеролью домой отослать. Непривычно это, особенно поначалу.

Дома даже в полночь окружающий мир воспринимаешь, а здесь такое впечатление, что сейчас в стенку лбом упруешься. В море так совсем теряешься. Плот чуть покачивает, внизу булькает, по всему выходит – идем, но движения? то самого никак не воспринимаешь. Ориентиров нет, поверхность воды не видишь. Впереди то ли берег, то ли море, то ли стена глухая – непонятно. Днем мы приспособились. Извините за натурализм, в море плюнешь и наблюдаешь, как слюна по воде, расплываясь, удаляется за корму. Способ, конечно, архаичный и погрешность дает побольше, чем винтовые лаги, но зато всегда можно понять, плывешь или крутишься на месте. И никаких дополнительных приспособлений и механизмов не требуется. Привстал, плюнул – и снимай показания! Но это днем. А ночью?

Вначале пробовали бумажки пускать. Две тетради изорвали – без толку. Пока на воду опустил, видишь. Чуть отвлекся или глаза отвел, например, курс сверить, сгнула бумажка, словно и не было ее вовсе, и понять не успеваешь, куда ушла – назад или вбок. Первое время немного подсвечивали керосиновые лампы, висящие на мачте, но потом закоптились так, что даже язычок пламени рассмотреть стало невозможно.

Единственный ночной ориентир находился сзади – огни Аральска. Но уже на вторую ночь они заметно потускнели и постепенно растворились в ночной черноте. Пришлось переключиться на Полярную звезду и малюсенький наручный компас, от одного вида которого профессиональные моряки пришли бы в ужас.

Сажу на настиле палубы, поджав под себя ноги. Рукой навалился на румпель. Чувствую, как он мелко подрагивает, сопротивляясь напору набегающей воды. Маленькая фосфоресцирующая стрелка мечется по циферблату возле светящейся точки, обозначающей север. Вправо?влево. Мои глаза бегают за стрелкой.

– Интересно, – размышляю я, – если сейчас пойти в указанном ею направлении, то в принципе можно добраться до Северного магнитного полюса?!

Я представляю, как маленький человечек, удивительно похожий на меня, бодренькой походочкой, с рюкзаком за плечами, шагает на север. Он пылит башмаками по степям Казахстана, пробирается по тайге, шлепает по льдам Ледовитого океана. Наконец останавливается. Дальше идти некуда. В этом месте по идее стрелка компаса должна указывать строго вниз.

Человечек осматривается. Вокруг – белые ледяные поля, нагромождения торосов, снег и жуткая холодина. Из рта идет пар, на бороде начинает расти большая сосулька. И тогда маленький человечек, удивительно похожий на меня, весь скукоживается от мороза, хлюпает носом и быстрой?быстрой трусцой, местами переходящей в галоп, несется в обратном направлении. Он перепрыгивает Урал, пролетает Казахстан, взбирается на плот и, трясясь противной мелкой дрожью, лезет под спальник и одеяла.

«А если, например, пойти по направлению южного конца стрелки? Тогда, наверное, можно достичь Южного полюса», – продолжаю я размышлять.

Но мой человечек мертвой хваткой вцепляется в край одеяла, натягивает его до самых глаз и ни в какую не хочет вылезать. Наверное, он знает, что в это время морозы в Антарктиде доходят до семидесяти градусов. Он мотает головой и мычит что-то насчет хронического бронхита. Ну и бог с ним. Пусть оттаивает. Хотя, конечно, без его компании, одному, сидеть на вахте не так интересно.

«Если станет совсем скучно, я вытащу его наружу или придумаю себе еще десять или сто других человечков», – успокаиваю я себя.

От нечего делать смотрю на часы. Однако незаметно прошел уже порядочный кусок вахты! Осматриваюсь по горизонту, хотя смысла в этом большого нет. Если бы не компас и чахлый огонь «летучих мышей», я бы начал подозревать, что мне завязали глаза черной тряпкой.

Дотягиваюсь до приемника. Любовно обтираю его переднюю панель. Мы убедились, что здесь, в море, даже перед самым плохоньким приемником испытываешь прямо?таки благоговейный трепет. Достаточно повернуть ручку настройки – и тоненькая ниточка, протянувшаяся в эфире, свяжет тебя с Большой землей.

Мы слушаем все подряд: детские передачи и сводки новостей, концерты и рекомендации молодым хозяйкам. Более благодарных слушателей, чем мы, вряд ли возможно отыскать.

На «Маяке» – новости. Сегодня я слышал их раз пятнадцать. Кручу настройку. «Мальборо! Мальборо!» Эта станция за несколько суток пребывания возле Аральского моря успела нам изрядно надоест. Каждый вечер, забывая другие передачи, реклама настырно лезет в эфир. «Мальборо!» Да ладно уж, купим мы эти ваши треклятые сигареты! Хоть целый ящик купим! Убедили! Вот только до берега доберемся и сразу же всю наличность ухлопаем на сигареты. «Мальборо!» – прямо?таки захлебывается приятным баритоном диктор. Мне кажется, что сейчас из диффузора динамика высунется его нахальная голова.

– Знаешь что, ты стал слишком навязчив, – вслух говорю я и переключаю приемник на длинные волны. – В конце концов, можно и без «Мальборо» прожить. Вон наш фанатичный куряка Салифанов крутит козы ножки, и ничего, не жалуется.

Пробегаю всю шкалу настройки – ничего интересного. Выключаю приемник, убираю его подальше, чтобы не «играла» стрелка компаса. Меня снова тянет взглянуть на часы. Наверное, я слегка утомился, раз пытаюсь погонять время. Не буду смотреть, решаю я, потерплю еще с полчаса. Зато потом останется совсем чуть?чуть. Я запланировал себе приятный сюрприз. Чтобы не думать о часах, начинаю тихо напевать. Завершаю первый куплет и половину припева

популярной песенки, дальше не могу вспомнить ни одного слова.

– Там?та?та?та, – допеваю строку и тут же начинаю новую мелодию. Вновь спотыкаюсь на середине куплета. Интересно, знаю ли я хоть одну песню до конца? Начинаю мысленно перебирать свою фонотеку. Выбор небогат. То, что я знаю, петь не хочется, просто под настроение не подходит. То, что хочется, – не знаю слов. Остается на ходу сочинять их на понравившиеся мелодии. Пользуюсь первыми пришедшими в голову рифмами.

Содержание нахожу по принципу – что вижу, то пою. Получается ничуть не хуже, чем у некоторых современных рок-групп, потому что ничего не вижу.

– Мы с тобой плывем на юг. Рядышком плывет утюг! – самозабвенно напеваю я, смущая рыб своими вокальными данными. Через пару минут я ловлю себя на том, что в моей песне осталось только восемь слов.

– Скоро вахту мне сдавать, скоро лягу я в кровать! – пропеваю я фразу, как заевший патефон.

– Ну и ладно! – перестаю бороться с собой и смотрю на часы. Осталось сорок пять минут.

– Лучше бы осталось, например, пятнадцать минут, – начинаю фантазировать. – Как хорошо было бы. Десять минут и еще пять. Всего?то!

Тяжело вздыхаю – фантазии сильно не совпадают с действительностью.

«Но, с другой стороны, могло остаться и полтора часа, а это в два раза хуже, чем сорок пять минут», – уговариваю свое нетерпение. «А пятнадцать минут в шесть раз лучше!» – не соглашается оно. «А если бы вахта только начиналась? Мне бы пришлось стоять ее вновь с самого начала!» – выдвигаю свой веский аргумент. Но от этого предположения мне становится так нехорошо, что я немедленно стараюсь о нем забыть, и даже постукиваю на всякий случай костяшками пальцев по куску фанеры.

Вновь начинаю думать о приятном. О том, как через сорок пять минут, вернее, уже через сорок три минуты, я стану будить Салифанова. Нет, я не буду

спешить. Можно было бы разбудить его разом, пихнуть в бок – и все дела. Но так я не получу никакого удовольствия. А удовольствие – это, как однажды определил Васеньев, приятное мгновение, сильно растянутое во времени. Будить Сергея я буду, следуя этой методике.

Вчера, когда он наблюдал за моим предвахтенным пробуждением, на его блаженную физиономию просто противно было смотреть. Светился, будто увидел тазик, доверху наполненный клубничным вареньем.

– Андрюха, ты поразительно похож на разбуженного посреди зимы медведя, – хохотал он. – Такой же жизнерадостный и дружелюбный!

Но сегодня я возьму реванш. Жертвовать таким случаем я не намерен. Дудки! Я подползу к нему и осторожно, в самое ухо, скажу:

– Сереженька, дружочек, «вставай» пришел! Он, конечно, не проснется, и это развяжет мне руки, я смогу перейти к более действенным мерам. Хорошо бы пощекотать у него в носу травинкой. Вот была бы потеха! Но где взять травинку в море? Хотя здесь и на берегу можно отыскать разве что колючки. А если залезть Сергею внос колючкой...

Я представил, как подкрадываюсь к спящему Салифанову с огромным кактусом в руке. Проснуться то он проснется, но вот последствия... Ладно, можно просто брызнуть в него водой, тем более на нехватку ее пожаловаться нельзя. Наберу полную горсть и плесну в лицо. Он весь сморщится и, конечно, втянется глубже в спальник. Ага, не нравится! Тогда я выжду минутку, откину одеяло и заору:

– Юнга Салифанов! Подъем по полной форме! Он заворочается и приоткроет глаза.

– Ты чего вопишь? Пожар, что ли? – недовольно спросит.

И тут я сообщу страшную новость, от которой у Сергея похолодеет в желудке и непременно прояснится в голове. Заговорщицким шепотом я скажу ему, что за борт смыло сгущенку и конфеты. Зная его безумную любовь к сладкому, я уверен – он незамедлительно вынырнет из спальника и бросится к продуктовым мешкам подсчитывать и оплакивать потери.

А в это время я, не мешкая, займу его нагретое место. План – блеск! Конечно, нехорошо его обманывать, но это ложь во спасение. Я прямо весь сгораю от желания скорее привести свой план в жизнь. Но эта проклятая стрелка не разделяет моего нетерпения.

– Ну, давай, торопись! – подталкиваю я ее. Если бы я мог взглядом передвигать предметы, как это делают некоторые умельцы?экстрасенсы. Минутная стрелка крутилась бы у меня, как пластинка на проигрывателе на скорости 78. А может, попробовать?

«Совсем с ума спятил! – сам себе удивляюсь я. – В телепаты решил податься! Но, с другой стороны, кто увидит? – инстинктивно я оглядываюсь по сторонам. – Кретин, ты что, на танцах? Тут до ближайшего постороннего человека, как до Марса пешком. Ладно, отпуск мой добыт самым законным путем. Чем хочу, тем и занимаюсь! Нравится сходить с ума – буду! Каждый развлекается как хочет. Точка. Занимаюсь телекинезом! С чего они начинают? Кажется, аккумулируют волю на решение предстоящей задачи?! Попробую».

Я собираю свою жизненную энергию в комок. Сосредотачиваю электрический заряд возле глаз, становлюсь большим конденсатором неведомых энергетических полей. Напрягаюсь! Еще напрягаюсь! И еще немного. Надо подготовить разряд. Так, зануло в животе. Вот те, здрасьте, что же, у меня воля в животе помещается, что ли? Впериваюсь взглядом в стрелку. Какая?то она облезлая и погнутая чуть. Давно пора часы заменить.

«Не отвлекайся!» – одергиваю я себя.

Пытаюсь представить, как, зацепившись ступнями за выступающие на циферблате цифры, я упираюсь плечом в стрелку и что есть силы давлю ее вперед. Я даже кряхчу от напряжения. По лицу стекает пот, ноги мелко дрожат. Сейчас к?а?к сзади по затылку секундной стрелкой врежет... Я пугаюсь и дергаюсь головой вниз. Но тут же, расхохотавшись, теряю надуманный образ. Опыт передвижения неодушевленных предметов на расстоянии потерпел фиаско.

«Сейчас возьму и подведу стрелки обычным способом – пальцем, – мелькает озорная мысль. – А свалю все на экстрасенсов. На них все валят, что объяснить не могут. А одушевленный предмет, то бишь Салифанова, я как?нибудь

умудрюсь передвинуть поближе к рулю без помощи потусторонних сил. На это у меня таланта хватит».

Снова всматриваюсь в часы, и вдруг до меня доходит, на что указывают стрелки. Я даже теряюсь от неожиданности. Время?то! Зателепатился! Пять минут пересидел! Кошмар!

- Вахте к заступлению! - ору я, забыв о всех своих режиссерских разработках. - Подъем!

- Никуда не пойдём, - не соглашается Салифанов. Видно, ему со сна померещилось, что я его на тур вальса приглашаю.

- Вылезай! - настаиваю я.

Но Сергей ни в какую не хочет покидать теплую спальную берлогу.

- Ты курс сверь, что ли, - предлагает он.

- Давай, я и так пять минут лишних оттарабанил, - тороплю я его.

- А у тебя часы наверняка спешат, - бормочет он, тщетно пытаюсь удержать ускользающие сновидения. - Ты их по приемнику проверь. А я...

Дальнейшие слова заглушает протяжный, сочный, как свежевзрезанная дыня, зевок.

- В общем, давай действуй, - благословляет он меня. Мне становится обидно, особенно за просроченные минуты, которые я никак не могу вписать в свой дебет.

- Серега, не борзей! - предупреждаю я и отправляю свою руку внутрь спальника на поиски салифановской головы. Быстро нащупываю что-то теплое и жарко дышащее, не иначе как нос.

- Попался, голубчик! - с удовольствием говорю я и цепко сжимаю пальцы. - Иди?ка ко мне, - тяну я руку на себя, справедливо полагая, что за носом должен

показаться и его хозяин.

- Отпусти нос! - сдавленно мычит Войцева. - Это не он, это я!

- Да я это, я, - успокаивает меня Сергей. - Это Танька балуется. Валяй, тяни сколько хочешь! Я не против.

- Извини, Таня. Это случайно вышло, - тушуюсь я и с новыми силами продолжаю поиски.

Но салифановская голова никак не находится. Что он - ее снимает, что ли, на ночь? Приходится менять тактику.

- Сережа, - ласково прошу я. - Ну вылезай!

- Двойная пайка сахара, - бубнит из одеял Сергей. - Клянись!

- Да черт с тобой, - соглашаюсь я вслух. «Дождешься ты у меня сахара. Держи карман шире!» - думаю про себя.

На поверхности показывается взлохмаченная салифановская голова.

- А ты знаешь, какой сон ты мне не дал досмотреть? - укоризненно вопрошает он.

Я ничего не отвечаю, готовлюсь к передаче вахты: уточняю курс, заполняю судовой журнал, отвязываю страховочный пояс. Я спешу, предвкушая уют теплой постели.

- А снилась мне вот такая палка колбасы, - продолжает делиться со мной наболевшим Сергей. - Не?ет, в?о?от такая! - Он широко разводит руки в стороны - Толстая, розовая...

- Ливерная, - в тон ему добавляет Валера, он, оказывается, не спит. - Вонючая, которую для собак делают.

– Ну вот, – расстраивается Сергей, – взял и опошлил такой высокохудожественный сон Ильичев, я не могу заступать в таком разволнованном состоянии на ответственный пост, коим является место рулевого, – витиевато формулирует свою мысль Сергей и, как улитка, втягивает голову обратно в одеяла.

– Ты это брось! – не на шутку начинаю тревожиться я – Давай вылезай, пожиратель собачьих сосисок.

– Грубые, черствые люди, – не столько возмущается, сколько удивляется нашему поведению Сергей. – Я не могу больше быть с вами рядом. Я уйду. Где там руль? Я возьму его в свои твердые руки.

Еще минут десять мы ворочаемся, смеемся, оживленные собственными шуточками. Хорошо! Ночь, море, тишина и шесть часов сна в перспективе. Я чувствую горячее плечо Валеры, упирающееся мне в бок, слышу, как спокойно дышат Наташа и Татьяна.

Сергей шумно ползает по корме, сгребает под себя рюкзаки с вещами, устраивается основательно, со вкусом. Мне даже становится обидно, я всю вахту промаялся, сидя на собственных поджатых ногах, а он чуть ли не паланкин выстраивает.

– Слушай, Ильичев, – стучит он мне в затылок пальцем, – там огонь какой?то. Кажись, красный.

Я приподнимаю голову. Точно. Слева, градусов сорок от курса, над водой светится ярко?красная звездочка.

– Маяк, наверное, или буй, – предполагаю я.

– А чего он в стороне от курса? – удивляется Сергей. – Может, это огонь с корабля?

Можно попытаться решить этот кроссворд, но для этого надо выползти из теплой постели, взбираться на верхнюю перекладину мачты и уже оттуда, с пятиметровой высоты, качаясь из стороны в сторону, долго шарить по горизонту

глазами, разыскивая дополнительные ориентиры. А на высоте ветер. Бр?р?р!

- Ты, Серега, плюнь на этот огонь и чеши себе по курсу, - советую я и с чувством исполненного долга роняю голову на рюкзак. В ухо больно впивается металлическая пряжка. Я сползаю ниже, нахожу место помягче и замираю, прислушиваясь к ощущению тихого блаженства, охватившего меня. Сочная южная ночь и острые локти и колени моих товарищей окружили меня со всех сторон. Если сейчас убрать любой из этих компонентов, чувство комфорта исчезнет.

Южная ночь посередине моря, вдалеке от людей - удовольствие ниже среднего. Валеркины локотки, вдавливающиеся в кожу, - наказание. Вроде бы два минуса, а при сложении дают плюс. От окружения моря, неба - мне хорошо. От лежащего рядом и уже, кстати, похрапывающего остроугольного тела мне спокойно. А «хорошо», за которое не надо платить страхом, - это уже счастье. Счастье конкретного момента.

Если в эту минуту плавание прекратится, уже можно считать, что оно окупилось в моральном плане на все сто процентов. Я полон впечатлений. Взять хотя бы звезды. Где еще я мог их увидеть такими? На берегу? Точно нет. На берегу мы сухопутные жители, и все наше внимание занимает земля и связанные с ней заботы. Суша диктует свои законы. Надо смотреть под ноги, чтобы не споткнуться, а не задирать голову к небу. Если же рассматривать что-то, так предпочтительнее экран телевизора или лицо сидящего напротив человека, стараясь уяснить, насколько ты ему интересен. Когда ложишься, самое занимательное, за чем можно наблюдать, - это пятна на плохо побеленном потолке или узор на обоях. Тоска. Я закатов видел за всю жизнь - по пальцам можно пересчитать. Городские, когда солнце валится с небес за ближайшую девятиэтажку, я в расчет не беру. Какой это закат? Смех один. А уж восходов... На небо смотрим, только чтобы узнать - идет дождь или нет.

А здесь - море. Здесь устав нашего монастыря не действует. Что тут может значить наша каждодневная мышинная возня на суше. Здесь каждая минута - вечность. Она была такой сто тысяч лет назад и будет такой еще через сто. Минута, тянущаяся тысячелетия! Что в сравнении с ней вся моя жизнь? Я не говорю уж о каких-то неприятностях, приключившихся в ней.

Я лежу под огромной полусферой неба. Звезды, со всеми своими спутниками, планетными системами и жизнями на них, приблизились ко мне на расстояние

вытянутой руки. Я замер, боясь потерять это сверхъестественное ощущение. Из всего моего тела живыми остались только глаза. Я перестал быть земным жителем. Я не чувствую под собой опоры, потому что она, эта опора, движется, колеблется. Она зыбка, неосязаема. Я не вижу ничего, потому что вокруг ничего нет. В море отражаются звезды. Небо сверху, с боков, снизу. Но что верх, а что низ? Что право, что лево? Звезды вокруг меня, я плыву в пространстве как одинокий космический корабль. Конечно, как и в любом механизме, в моем космолете случаются неполадки. Вот, например, что-то чешется в движительном комплексе, по-моему, в пяточном блоке. Засорился ввод аппарата кислородного обеспечения. Но это просто технические неполадки, вполне устранимые. Главное – корабль летит, движется вперед, преодолевая парсеки. Я улетаю глазами ввысь, протыкаю земную атмосферу, на сверхсветовых скоростях уношусь в необъятную пустоту Вселенной. Как раскаленная спица масло, пронизываю галактики и туманности.

Я бесконечен в пространстве, а значит, бесконечен во времени. Я вечен и всепроникающ! Я сам – Вселенная! Я могу все! Все!

«Если ты такой всемогущий, повысь себе зарплату хотя бы рублей на двадцать», – ехидно предлагает мое трезвомыслящее, практичное сознание. Я начинаю мягко планировать назад, к земле. Ну что это такое! Тут парсеки, Вселенная, миллиарды световых лет и вдруг – рупь! Сто копеек! Сто брэнчащих кругляшек! Я форсирую двигатели своего космолета, пытаюсь набрать утерянную скорость. Уйти. Вырваться. Но земное притяжение тянет обратно. Планирование переходит в штопор...

Я уже лежу на плоту, головой на грязном рюкзаке. Рядом на басах храпит Васеньев, аж сетка настила трясется. Надо мной звезды, но это уже светлые точки, служащие для определения своего местоположения и еще чего-то в этом роде. Затекла левая нога.

– Ну ты концерты выдаешь! – восторженно шепчет Салифанов. Он бросил руль и приблизил ко мне свое лицо. – Только уснул и давай горланить: мол, пустите меня! Я все эти галактики с туманностями на шампуры навздеваю. Не держите меня! Просто космический хулиган. И еще какими-то секами грозил.

– Парсеками, – подсказал я, чувствуя, как у меня тоскливо засосало под ложечкой, – единица такая космическая.

– Вот?вот. Орал, дайте мне парсек в руку. Дайте только... Потом замолк, наверное, нахальства набирался, и как ляпнешь: «Я – Космос!» Ни меньше, значит, ни больше. – Сергей веселился вовсю. – Ну ты, Андрюха, даешь. Не умрешь от скромности.

Я накинул на голову одеяло, чтобы не слышать бубнящий голос Сергея. Еще несколько минут он хихикал, икал, хрюкал от удовольствия, вкусно обсасывая подробности происшедшего. Он был безумно рад неожиданному и потому вдвойне приятному развлечению.

Я закрыл глаза и попытался уснуть. Окружающее было реально до противности: море мокрое, небо обычное – черно?холодное, соседские локти остры, как хорошо заточенные карандаши. И все из?за этого дурацкого рубля. Или, может, из?за Салифанова? Ведь это он меня разбудил, больше некому. Неужели все это был сон? Я же, помню, вначале даже глаз не закрывал...

Засыпал я, до краев наполненный обидой. На Сергея, на себя, на Валеру, на море и на все на свете. Я был зол и недоволен жизнью, как и все реально мыслящие люди.

Глава 4

Пробуждение было премерзким. Так, наверное, бывает, когда человек, отправившись на прогулку в лес, разморится на солнце, приляжет в тенечке и уснет, окруженный зноем, стрекотом кузнечиков и сумасшедшими запахами лесного разнотравья, а когда проснется, будет моросить мелкий занудливый дождик, с земли тянуть сыростью, а из темного леса шибать в нос запахом прели.

Примерно такой же перепад настроения случился у меня в тот раз. Уже во сне что?то не понравилось в окружающем мире. Я даже попытался вновь нырнуть в благодатный мир сновидений, но действительность цепко ухватила меня за уши и вытянула на поверхность. Вокруг гудело. Даже не открывая глаз, можно было понять, что исходил этот звук не из васеньевской глотки. При всем моем

уважении к его таланту, было очевидно: так храпеть он не может. Близкая артиллерийская канонада также исключалась (хотя и было похоже). Значит, оставалось одно – море. Я присел и откинул одеяло вместе с наброшенным на него полиэтиленом. Тысячи звуков осами вонзились в мои уши. Они безжалостно трепали, мяли, давили тоненькие пленочки барабанных перепонок.

Штормило изрядно, хотя сравнивать было не с чем, шторм?то первый. Волны мелкие, но злые, как сорвавшиеся с цепи собаки, наскакивали на плот, бухали в борт, осыпая настил крупными тяжелыми брызгами. После каждого удара плот конвульсивно дергался, жалобно скрипели трубы во втулках, сильно ухало между баллонами. Салифанов стоял, упершись в настил широко расставленными ногами, и со страшным напряжением ворочал рулем. Рядом с ним, сжавшись в комок, укрывшись куском полиэтилена, сидела Войцева. Она тревожно вслушивалась в шторм и сильно вздрагивала каждый раз, когда набегала особенно звучная волна.

«Дождались!» – с тоской подумал я и потянулся к спасательному жилету. Потом долго всматривался в горизонт, но наблюдения ничего не прояснили. Море было неразлично, только белые барашки неожиданно выскакивали из темноты, на секунду замирали перед прыжком, словно выискивая, куда бы сподручнее ударить, и, ощерившись гребнем, рушились на настил.

– Где мы? – задал я беспокоивший меня вопрос.

– На Аральском море, – честно ответил Сергей. Он снова взглянул на компас и, навалившись на румпель, попытался выровнять плот.

– Куда ты его вертишь? – раздраженно заорал Васеньев. – На маяки держи!

– Валера, я иду по курсу, и ты мне лучше не указывай. Не доводи до греха, – огрызнулся Сергей.

Похоже, все уже давно не спали, даже успели разругаться.

– О каком курсе ты говоришь? Вон же Полярка! – махнул Валера в сторону.

– Ты плохо изучал астрономию, – посочувствовал Салифанов. – С каких пор Полярная звезда стала светить на востоке?

– Ты разуй глаза! Вон ковш, вон Малая Медведица, – горячился Валера.

Разобраться в их споре было трудно. Все небо было исчерчено полосами облаков. Где-то звезды прямо кишели, а где-то чернели бездонные провалы. Небесную карту приходилось изрядно дорисовывать при помощи воображения.

На некоторое время Валера смолк. Сергей, ухватившись руками за румпель, изо всех сил потянул его на себя. Но руль был неподвижен.

– Таня! – сдавленно крикнул Салифанов. Войцева встрепенулась, подняла испуганные глаза. – Помоги!

Хрустя полиэтиленом, Татьяна на коленях поползла на помощь. Уперлась в румпель плечом.

– Ну! – скомандовал Сергей. Разом дернули. Руль сдвинулся с мертвой точки, плавно повернулся. Курс выровнялся до нормы. Я перекатился на бок, стал отвязывать от бортовой растяжки кеды.

– Лежи, сам справлюсь! – остановил меня Сергей. Подкравшись, сверху шлепнулась волна, сорвала полиэтилен, окатила меня каскадом брызг. Спальник мгновенно набух водой. Суется, я ухватил пленку, накинул, подоткнул под себя. Но было поздно. Морская вода, пробив ткань мешка, стала впитываться в одежду, потекла тонкими струйками по телу. Я пододвинулся ближе к Васеньеву, но он точно на такое же расстояние отполз от меня. Валера оберегал свою «сухость».

Минуту я лежал неподвижно, усыпляя его бдительность, потом аккуратно пододвинул ноги, за ними, чуть обождав, туловище. Я наползал на Васеньева, как огромный мокрый и холодный слизняк. Уверен, что в тот момент он воспринимал меня именно так. Я нагло захватывал необходимое мне жизненное пространство. Конечно, это было изрядное свинство – взгромождаться на чужую постель в мокрой одежде, но заставить себя спать в луже я не мог. Я продвинулся еще на несколько сантиметров и наткнулся на остро выставленный васеньевский локоть. Надавил на него, но локоть стоял твердо, как

забетонированный. Я попытался обтечь его, но не тут?то было. Оборона была налажена по всем правилам военного искусства. Единственно, что мне удалось, так это протолкнуть куда?то в сухое и теплое ноги. Выгонять меня не стали. И на том спасибо.

Лежали молча. А что еще оставалось делать? Вахтил Салифанов. Ему, по непонятной причине, помогала Войцева. Четыре руки на один румпель – это даже с избытком. Тереться возле руля впятером смешно и глупо. Разговаривать тоже не о чем. Вернее, найти тему можно, но светский треп в нашем положении был бы по меньшей мере странен. Вот и лежим молчком, наострив уши. На слух кажется, что стихия не только не утихает, но даже набирает силу. Кругом все ревет, шипит, бухает, создавая такие невероятные комбинации шумов, описать которые я не в состоянии.

Звуки, один страшнее другого, заползают через уши в мозг и, не поддаваясь расшифровке, порождают смятение и панику. Мне страшно! Я лежу, напряженно стискивая кулаки, хотя в данный момент они мне не защита. Я стараюсь тихо дышать, сильно зажмуривая глаза, и все это только для того, чтобы лучше слышать. В этой какофонии звуков мне надо уловить одну?единственную, смертельно опасную для меня ноту. Я не знаю, что это будет: скрежет разламываемого металла, звонкий взрыв лопнувших автомобильных камер или что?то еще. Но, услышав его, я смогу наконец действовать, а это всегда легче ожидания.

Пассивность подавляет, так как лишает возможности защищаться. Каждую секунду я жду, что плот не выдержит натиска и развалится на мельчайшие кусочки. А трубы, из которых он собран, к сожалению, плавают ничуть не лучше своих металлических собратьев?топоров. У тех хоть топоричесть.

Хорошо если при дележе плавсредств мне достанется автомобильная камера...

Крутая волна с рычанием толкается в борт, по инерции пробегает по настилу, рассыпается на полиэтилене, в который я завернут. Сейчас наверняка налетит еще одна. Я уже заметил закономерность: крупная волна никогда не приходит одна, только со своими подружками. Три?четыре крупных, потом мелюзга и снова три?четыре переростка. Еще один сильный удар сотрясает корпус. Что?то звякает в корме, противно и бесконечно долго скрежещет. Резко вскакивает Валера. Неужели разламывается каркас?! Затопали по настилу ноги.

– Проклятое море, чтоб ему до дна пересохнуть! – от души желает Салифанов.

– Зачем ругаться! – морщусь я. – Как бы море не обиделось! Тогда враз угробит, испугаться не успеешь!

Ну вот, дошел до точки. Суеверным стал! Уже не первый раз ловлю себя на том, что перестал воспринимать море как неодушевленный предмет. Для меня это не географическое понятие и даже не физическое. Для меня море почти живое существо, которое все понимает и даже разумно решает, что сотворить с нами в эту минуту, а что через час. Пожалеть нас или наказать по всей строгости.

– Ты не обижайся на него, это он сгоряча, – оправдываю я неразумный поступок Салифанова.

В глубине души я понимаю, что все это самый нормальный идиотизм, по?другому не назовешь. Как море может обижаться? Это же только вода. Много?много водяных капелек и много?много растворенных в них солей. Жидкость, одним словом. Только не в кастрюле, а в гигантской ямичке, выдавленной в земной коре.

Если допустить, что эта вода в яме может обижаться, то получается, что какой?нибудь придорожный телеграфный столб должен треснуть от ярости, когда паршивая беспородная собачонка нагло задерет возле него свою заднюю лапу. Это же какой удар по деревянному самолюбию! Так выходит? Глупо же!

«Просто смешно! Ха?ха, – вынужденно смеюсь я сам над собой. – Но лучше бы его не раздражать – море. Но почему? – возмущаюсь я собственной беспросветной дремучести и нежеланию понимать элементарные вещи. – На всякий случай. А Сережку море простит. Это ж он не со зла, по дурости!» – вновь продолжаю я игру, правила которой нарушать не решаюсь.

Но море не прощает допущенной Салифановым бестактности. Две волны налетают с кормы, упруго хлещут по его ногам, выбивают подошвы ботинок с настила, и он, потеряв равновесие, шлепается на плот. Третья волна аккуратно подкрадывается сбоку, приподнимается, рассматривая сухую пока еще жертву, и накрывает Сергея пенным гребнем. Все! Теперь на нем не найти сухой нитки. Стоя на коленях, Салифанов мотает головой, отплевывается, освобождая рот от забортной воды и накопившихся, но доселе не использованных ругательств.

Знает он их, похоже, немало. При других обстоятельствах я, бросив все дела, схватил бы ручку и набросал подробный конспект его речи, который в дальнейшем лег бы в основу книги под названием «Фольклорные особенности разговорного языка нижних чинов в старом флоте».

Справедливости ради надо сказать, что говорил Сергей не очень внятно, то ли от дефекта дикции, вызванного попаданием воды «не в то горло», то ли из-за присутствия на борту особ женского пола. Но эмоциональность, с которой он это делал, покоряла. Персонально море он уже предпочитал не задевать.

– И пусть отсохнет язык и все прочее, что может отсохнуть, у любого, кто скажет про море хоть одно хорошее слово... – Далее неразборчиво, и снова:

– И пусть к нему по четыре раза в день приходит в гости теща, а в выходные дни чаще. И пусть... – Правой рукой Сергей безостановочно шарил вокруг себя, пытаясь нащупать сорванные волной очки.

Неожиданно он замолк. Очки нашлись, но пользы от них – как мертвому от горчичников. Через оба стекла расплзлись мелкие, паутинообразные трещины. Все же Сергей напялил их на нос, долго смотрел вокруг и, наконец, попросил:

– Женщины, закройте уши, я, кажется, буду ругаться! Я его понимаю, очки – это самое болезненное место близоруких людей. Ладно, мои – минус три, тут еще можно потерпеть, хотя на роль впередсмотрящего претендовать уже нельзя. Но салифановские – минус семь! На его месте я бы не только ругался, я бы снял ремешок со штанов и отстегал бы море по первое число.

– Этого я морю никогда не прощу! – начинает Сергей, но высказаться до конца ему не удастся. В носу плота, за гротом, что-то оглушительно хрустит, плот сильно дергает. Я непроизвольно зажмуриваю глаза, но тут же снова их открываю. Все! Амба!

– Стаксель! – протяжно закричала Войцева, несколько раз быстро ткнула воздух перед собой указательным пальцем. – Стаксель сорвало!

Передний стаксель – парус, оборвав шестимиллиметровый капроновый шкот, освободился от сдерживавших его сил, заполоскал, защелкал свободным концом, сотрясая мачту. Сейчас полопаются швы или посрезает мачтовые

шпильки. Я вскочил на ноги. Кеды надевать не стал – некогда. Пока со шнурками воевать будешь, каркас вибрацией разнесет вдребезги. До мачты добрался в два прыжка. Сдавленно охнула Монахова – кажется, я успел протоптаться по ее ногам. На носу плота расстеленных спальников, естественно, не было, настил больно врезался в ступни. Я ступал согнувшись, нащупывая пальцами ног дорогу. Сзади шумно дышал в затылок Васеньев. Подобрались к разбушевававшемуся парусу. Тут дел на три минуты. Я облегченно вздохнул. Даже кольца не оборвало. Парус поймать да подвязать новый шкот.

– Валера, достань из ремонтного набора запасной шкот, – попросил я, – здесь я один справлюсь. Спущу и спокойно перевяжу.

Распустил узел, но парус не сдвинулся ни на миллиметр. Подергал фал подъема – никакого результата. Скорее всего, канат заклинило в блоке, это дело гиблое. Придется управляться как есть, а утром разбираться досконально. Выждав момент, я попытался схватиться за нижний край полотнища, но оборванный шкот больно стеганул по рукам. На коже вздулся кровавый рубец, словно кто-то с размаху ожег кнутом. Слепо вытянув руки вперед, я снова бросился на штурм, стараясь разом усмирить стаксель. Ухватил кончиками пальцев полотнище, потянул на себя. Парус рванулся. Выскользнул и в долю секунды отшлепал меня по лицу и рукам. Вскрикнув, я отскочил, налетел спиной на подошедшего Валеру. Он пошатнулся, но на ногах устоял.

– Подержи, – попросил он, передавая бухту, оттер меня плечом в сторону.

– Ну что ты дергаешься, дурашка, – начал он увещевать распоясавшийся парус. – Все равно мы тебя скрутим.

Он приблизился на шаг, на два. Парус не хотел усмиряться. Не хотел впрягаться обратно в лямку, изображать из себя тягловое животное, тянущее по просторам моря тяжелый плот, груз и еще пять ленивых седоков. Ему нравилось свободно и озорно трепыхаться на ветру, купаясь в налетающих упругих порывах. Он прыгал из стороны в сторону, увертываясь от васеньевских широко расставленных рук. Когда Валера приближался слишком близко, парус доставал его хлесткими ударами. Валера даже не ругался. Его нервам можно было позавидовать. Снова и снова он шел на приступ, стиснув зубы, прикрывая правым локтем лицо. Один раз он даже умудрился схватить угол паруса. Его дернуло, потащило по настилу. Стоило только удивляться, сколько силы было в этой, собственно говоря, элементарной тряпке, взявшей в союзники ветер.

Валера упал на колени, но стаксель не выпустил. Парус вырывался, хлопал, осыпал нас каскадами брызг. Мне казалось, еще секунда – и он вывернет Валере руки из суставов. Пытаясь ему помочь, я на коленях ползал по настилу, скреб пальцами по парусине, но ухватиться не смог, не успел.

Стаксель вырвался, отбросил нас, распахнулся на ветер.

– Вы что, вдвоем с одним парусом справиться не в состоянии? – закричал с кормы Салифанов.

– Попробуй сам! – зло ответил ему Валера. Стали приближаться к парусу спинами, вздрагивая от ударов, чувствительных даже сквозь одежду. Набухший водой материал бил тяжело, как доска.

Все меньше оставляли мы парусу места для разгона, все уже становилась амплитуда его полета. Наконец, он налетел на наши спины и не соскользнул с них, как обычно, а облепил, на мгновение задержавшись. Этого было достаточно. Схватив его, мы резко дернули полотнище на себя. Наверху что?то хрустнуло, стаксель сошел вниз. Он еще жил, вздрагивал в руках, пузырился под ветром, но судьба его была предрешена. Мы накрепко примотали новый шкот взамен оборвавшегося, закрепили его на каркасе. Разом схватили за фал, подняли стаксель на мачту под самый топ. Он схватил ветер, расправился, встал жестко, словно фанерный.

– Так?то лучше, – похлопал Валера по напряженной материи. Теперь можно было осмотреться. Видимость улучшалась – начало светать.

С морем творилось что то непонятное. Волны шли часто, буквально наступая друг другу на пятки. Были они невелики, едва дотягивали до семидесяти сантиметров, но имели не правдоподобно остроугольные формы. Каждая из этих волн не уходила под плот, как должно было быть, а падала на него сверху. И было что?то еще, что никак не сходилось с моим представлением о морском плавании.

– Нас почему?то совсем не качает, – вслух удивился Валера.

Вот оно! Не ка?ча?ет! Вот что не сходится. Плот идет равномерно, как тысячетонный крейсер. Только чуть вздрагивает от ударов. С крейсером?то

понятно. Попробуй, раскачай миллионы килограммов, тут и для десятиметровой волны задача не из легких. Но мы со всеми потрохами едва до тонны дотягиваем! Нас же мотать должно, как вагон электрички, – на ногах не устоишь. А мы неподвижны. Непонятно!

– Ну что вы стоите как остолопы? – снова подал голос Салифанов. – Давайте меняйте меня. Я в эту игру больше играть не в состоянии.

– Сейчас приду, – отозвался Валера.

– Васеньев, уступи вахту, – попросил я.

Мне нужно было разобраться в происходящем. Передоверить эту задачу кому-нибудь другому и лежать остаток ночи в неведении я не мог. Валера пожал плечами:

– Если бы ты просил у меня обеденную пайку сахара, я бы подумал, а вахты – хоть все забери, такого добра не жаль.

Васеньевская показная беспечность меня обмануть не могла. Я прекрасно видел, что он сейчас предпочел бы постоять у руля, чем лезть обратно в мокрые одеяла. В такую погоду вахтить как-то спокойнее, по крайней мере создается иллюзия, что очередной морской сюрпризец не застанет врасплох.

– Вы долго будете изображать скульптурную группу «Парализованные»? – поторопил Салифанов.

Натянув кеды и штормовку, я перебрался на корму.

– Курс двести, маяк правее градусов на тридцать. На рюкзаки не садись, сиденье промочишь, – кратко ввел в курс дела Сергей. – Хватайся! – И он отпустил руль. Я сжал пальцы на румпеле.

– Распишись в судовом журнале! – крикнул я вдогонку.

Сергей только махнул рукой и полез в спальник.

- Ты же мокрый! - возмутилась Монахова.

- Ничего, теперь ты тоже не сухая, - успокоил ее Сергей.

- Татьяна, а ты чего сидишь? - крикнул он из вороха одеял. - Лезь сюда немедленно.

- Нет, я лучше тут, - замотала головой Войцева. - Мне тут лучше.

- Войцева, не возникай! - прикрикнул Салифанов. Татьяна молча поднялась и поползла на салифановский голос, как самолет на радиомаяк приведения. Похоже, ей было все равно - сидеть, ползти или тихо испускать дух посреди бушующего Аральского моря. Ее мучила морская болезнь или что-то еще, очень на то похожее. Я еще раз сочувственно взглянул на уползающую Татьяну и решил приступить к своим непосредственным обязанностям. Должность моя - рулевой, значит, надо рулить. Я взглянул на компас. Стрелка стояла удивительно спокойно, не моталась из стороны в сторону, как обычно. Истинный курс расходился с заданным почти на пять румбов.

- Лево пять румбов! - скомандовал я себе. - Есть, лево пять!

Правой рукой я надавил на румпель. Сил явно не хватало. Я надавил сильнее. Результат тот же. Я наплевал на условности и, встав на колени, навалился на румпель руками, вложив всю свою силу и весь свой вес. Руль согнулся и нехотя сдвинулся на самую малость.

Четыре часа назад я управлялся с ним шутя, одним пальцем! Чертовщина продолжалась. Теперь, задним числом, я удивился долготерпению Салифанова. Он ворочал этой железкой почти три часа! А у меня уже сейчас коленки трясутся!

Может быть, мы попали в какое-нибудь сильнейшее подводное течение или заросли непролазных водорослей? Или произошло самозатягивание рулевого болта? Предполагать можно было до бесконечности.

Через четверть часа меня бросило в жар - работенка-то, как у шахтера в забое. И чего сдуру вызвался заменить Васеньева - уже не однажды пожалел я. В чем

тут разберешься, стоя на коленях и наблюдая перед собой только шкалу компаса?

Я еще раз взглянул с завистью на спящих, но кликнуть Васеньева на руль не решился, мешала дурацкая гордость. Ну как же, взялся за гуж – не говори, что не дюж. С час отстою, определил я для себя крайний срок, а там посмотрим.

Начало светать. Не знаю, для кого как, а для меня это самое нелюбимое время суток, в особенности на море. Уже не ночь, но и до восхода солнца еще неблизко. День просачивается в ночную черноту, растворяет ее как бы изнутри. Неожиданно замечаешь, что различимы предметы, которые еще минуту назад были невидимы. С одной стороны, хорошо, не надо, например, носом в компас упираться, чтобы стрелку разглядеть. Но с другой – глаза бы по сторонам не смотрели. Все вокруг блекло, расплывчато, словно наблюдаешь сквозь запотевшее стекло. Предметы теряют объемные очертания, становятся плоскими, как на экране телевизора. Так бы и крутнул ручку контрастности. Когда восходит солнце, тогда другое дело, краски появляются теплые, жить хочется, честное слово.

А до восхода неуютно, промозгло, самое время в спальнике отлеживаться. Но этим пока вместо меня активно занимается Васеньев.

Уточняю в очередной раз курс. Маяков почти не видно. Зато волны – вот они, во всей красе! Правда, красоты в них мало. Но они не кажутся такими страшными, как это было ночью. Даже большими не назовешь. Хотя откуда смотреть.

Восток светлеет, наливается багровым заревом. Сейчас закипит, выплеснет через край шар солнца, и покатится он через море на запад. Я кручу головой во все стороны. «По левому борту волны совсем мельчают, – удивленно отмечаю я. А муть?то какая идет. – А говорят еще, что Арал – одно из самых чистых морей в мире. Тут же песок сплошной! Песок! Песок!..»

Неожиданная догадка застаёт меня врасплох. Я даже не знаю, радоваться мне ей или пугаться. Она все объясняет, увязывает ночную и утреннюю чертовщину в крепкую, логически выстроенную цепочку. Не может быть! Я бросаю руль, подхожу к борту и всматриваюсь в воду. Если я не ошибаюсь... Вот это номер!

– Андрей, ты что затих? – забеспокоился Васеньев. – Ты скажи что-нибудь. Подай голосок!

– Надоели вы мне все, – говорю я. – Уйду я от вас.

– Валяй! – легко соглашается Васеньев, успокоенный моим голосом. – Ноги не замочи!

– Андрюху в море – плоту легче, – задумчиво замечает Салифанов.

– Ну, я пошел! – просто говорю я и... шагаю за борт.

– Ой! – вскрикивает Войцева. – Ильичев с плота прыгнул!

– Полундра! – во всю силу голосовых связок вопит Салифанов. – Человек за бортом!

Он с силой отбрасывает одеяла, хватается за спасательный линь, готовясь бросить его в сторону удаляющейся от плота неразумной ильичевской головы и замирает, увидев меня.

Я стою возле плота по колено в воде со скучающим видом человека, рассматривающего афишу. Кажется, я даже что-то насвистываю. Сергей обалдело обзирает мои исцарапанные коленки.

– Ты чего это? – испуганно спрашивает он.

– Гуляю, – поясняю я.

– Ага, – говорит Сергей и дергает головой вниз, будто пытается проглотить застрявший в горле кусок.

– Так, – начинает доходить до него смысл происходящего. Та-а-а-к, – хлопает он себя по лбу и оторопело садится, просто валится на плот. – Это получается, что мы... – его лицо расплывается в совершенно идиотской ухмылке.

Жаль, он не видит себя со стороны.

- Получается, мы всю ночь, - развивает он свою мысль, словно распускает до предела сжатую пружину, - торчали на глубине, где воробушки могут пешком ходить? - Он даже замирает, пораженный мыслью, которую только что высказал.

- Совершенно верно, - безмятежно подтверждаю я его выкладки. Я уже пережил стадию обалдения, в которой теперь пребывает он, и могу себе позволить удовольствие изобразить равнодушие.

- Мы героически штормовали всю ночь, вместо того чтобы закатать штанины и, прихватив вещички, дотащить вон до того бережка, где и переночевать спокойненько!

- Та?а?к, - переваривает информацию Сергей. Разглядывает берег, возвышающийся в каких?нибудь ста метрах от нас.

- Значит, мы готовились тонуть здесь, - удивленно тычет пальцами под плот Васеньев.

- А как же морская болезнь? - в свою очередь, удивляется Войцева.

- С таким же успехом мы могли штормовать, тонуть и страдать от морской болезни в собственных ваннах! - весело ржет Салифанов. - А Валерка?то орал: «Держать на маяки! На маяки держать!» - Сергей от смеха падает на спину и дрыгает в воздухе ногами.

- А мы по баллоны в песке сидели! Держать на маяки! - задыхаясь от смеха, хрипит он, копируя Васеньева.

Валера несколько раз вздрагивает от сдерживаемого смеха, но не выдерживает и тоже начинает хохотать в голос.

- А ты всю ночь рулем песок туда?сюда, туда?сюда! Кубов сорок перебросал. Поди ямищу выкопал!

– Так вот почему руль не сдвинуть было, – соображаю я. – Он же весь в песке по румпель сидел! И волны из-за этого не под плот уходили, а сверху шлепались. Плот всплыть не мог: киль в донном грунте, как в тисках зажат. По курсу шли, за каждый градус боролись, а на самом деле корму туда-сюда двигали. Ну, комедия!

– Чему вы радуетесь? – пытается охладить общее истерическое веселье Монахова. – Мы сейчас где должны быть? Там где-нибудь, – махнула она головой в сторону открытого моря. – А мы здесь торчим. Еще неизвестно – сможем ли откопаться.

– Да брось ты слезу давить. Успеем еще заплакаться, – останавливает ее Сергей. – Веселись, пока причина есть. Ситуация прелесть! Есть о чем рассказать. Почитай, новый вид спорта открыли – бег с препятствиями на месте. Кому расскажи – обхохочутся!

Постепенно смех отступал. Похихикали, и будет. Надо было что-то предпринимать, не сидеть же возле этого неизвестного берега бесконечно. Итак, мы потеряли по меньшей мере четыре часа. Спустили паруса, вместе сошли в воду. Правый, наветренный борт, где намыло целый вал песка, подкопали веслами. Освободили руль. Ухватились за трубы каркаса, разом дернули вверх. Плот чуть качнулся и опустился на место. Минут пять раскачивали его из стороны в сторону, высвобождая из цепких объятий донного песчаника. Еще раз дернули – и одновременно продвинули на десять сантиметров вперед. И еще раз, и еще один, и еще сто раз или даже тысячу – мы не считали. Постепенно прибывали глубины. Когда вода дошла до пояса, девчата забрались на плот. Толкали втроем. Теперь плот шел легко, почти не цепляя дно. Татьяна с Наташей подняли паруса, и мы уже не толкали, а бежали за плотом, пытаясь влезть на него с ходу. Но вода тормозила, отбрасывала назад. Наконец взобрались. Сели мокрые и довольные.

Солнце уже припекало. Плот шел бойко, взрезая блестящую поверхность воды. Ветерок дул несильный, на удивление прохладный, мягко обвевал, подсушивал одежду. В самый раз ветерок. И уж берега давно не было видно, и беспокойства никакого не появлялось. Отбоялись, видно, мы свое в эту ночь.

Я лег на нагретые солнечными лучами спальники и, ощущая тихое покачивание плота, незаметно уснул.

Глава 5

Проснулся поздно. На плоту кипела обычная дневная жизнь. Монахова спала, уткнувшись лицом в свернутое одеяло. Войцева полусидела, равнодушным взглядом уставившись в море. Валера вахтил. Сергей возился с подзорной трубой. Вокруг, по всей площади плота, были разложены сухари, рваные бумажные мешки с вермишелью и крупой.

– У нас что, открыли магазин самообслуживания? – кивнул я в сторону продуктов.

– Скорее бак для пищевых отходов, – отвлекся от своего занятия Сергей. Я еще раз внимательно огляделся.

– Загнили, – коротко пояснил Сергей.

– Приятные новости, нечего сказать. – Я пододвинулся ближе к одной из кучек. Это была вермишель. Вернее, раньше была вермишель. Теперь она представляла из себя спрессованный комок серого теста, от которого заметно припахивало плесенью.

– И что, все так? – вслух ужаснулся я.

– Нет, худшее уже выкинули в море, – «успокоила» Войцева.

– Как же это вышло? – растерянно спросил я, растирая между пальцев клейкообразную массу. Просто так спросил, не ожидая ответа. О причинах, естественно, догадался.

Но Салифанов ответил:

– Волны. Надо было сразу об этом подумать. Ящики герметичные сделать, что ли.

«Надо было! – раздраженно подумал я. – Много что надо было. И паруса получше – не эту черноту, и баллоны, и ящики. Но когда бы мы все это успели сделать?! – Я стер с пальцев тесто. – Дрянь дело!»

Посмотрел на ноздреватую горку раскисшего сахара. Поднял один потемневший, потерявший форму кусочек, лежавший в стороне. Лизнул и тут же сплюнул горько-соленую слюну, зло отбросил. Сахар насквозь пропитался морской водой.

– Не разбрасывался бы продуктами, немного осталось, – осуждающе заметил Сергей. Я осмотрел испорченные продукты.

– Хоть что-то уцелело? – спросил я, боясь услышать отрицательный ответ.

Войцева молча указала на стоящий возле мачты рюкзак. Я отстегнул клапан, развязал горловину. Килограмма три сухарей, примерно столько же сахара, мешочек с манной крупой, две пачки вермишели, чай, геркулес. Небогато, но лучше, чем ничего.

– А тушенка и сгущенка? – вспомнил я.

– Целы, что им сделается, – пихнул ногой мокрый картонный ящик Васеньев.

Значит, двадцать банок в актив можно вписать. На этом, при необходимости, можно продержаться и пару месяцев. Только сможем ли мы после этих месяцев самостоятельно держаться на ногах? Вот это вопрос! Я еще раз взглянул на оставшиеся продукты, тщательно запаковал рюкзак и сел за расчеты.

Для начала подсчитал энергетическую емкость наших запасов. Перевел граммы в калории. Сухари тянули на десять тысяч калорий. Сахар давал еще двенадцать тысяч. Манка не более пяти тысяч. Вермишель еще пять. Семь тысяч будет в тушенке. Тринадцать тысяч в сгущенке. Итоговая сумма не радовала, хотя на первый взгляд казалась внушительной – пятьдесят тысяч калорий. Если взять норму потребления для человека, ведущего пассивный образ жизни, – три тысячи калорий в сутки, продуктов хватит на три дня плюс небольшой хвостик. Если паек урезать в два раза, выиграем еще трое суток. На жировые запасы наших организмов – я быстро оглядел Валеру, Сергея, девчат, представил себя – особо рассчитывать не приходится. А приходится нам уповать лишь на случай. Но даже при самом неблагоприятном ходе событий, а именно плавании вплоть

до южного побережья без контактов с внешним миром, от голода мы не умрем. Человек без еды сорок дней прожить может точно. Но вот ремешки придется затянуть не на одну дырочку. Я еще немного подумал и урезал паек в четыре раза. Теперь мы обеспечены едой на двенадцать дней. Я вывел большую и красивую цифру «12». Переработка хотя бы части испорченных продуктов даст еще дней пять. Приплюсовал – 5. Возможные дары моря тоже со счетов сбрасывать нельзя. Вдруг что поймаем... Итого, еще день. Теперь – морская болезнь. Она нам едоков поубавит – это точно. Вон вчера Монахова от ужина отказалась. На еду смотреть не может. Вот тебе еще пара дней.

Я упорно пытался растянуть наши запасы на месяц. Почему на месяц, не мог ответить даже себе. Но еда не резина, эластичностью не обладает. Недели мне не хватило. Ладно, три недели тоже неплохо, успокоил себя. Считаю, двадцать одни сутки. Люди за две недели Атлантику пересекают, а здесь Аральское море – пятьсот километров в поперечнике.

Я с удовольствием просмотрел свои расчеты. Ровные колонки цифр выглядели достаточно убедительно, даже красиво. Но, как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Могли ли мы предполагать, какие овражки накопала на нашем пути судьба? злодейка. Могли ли знать, что нас ожидает. А может, и к лучшему, а то поехал бы я на Арал!

Итак, расчеты были закончены. Теперь оставался пустяк – убедить в их правильности собственный желудок и экипаж. С желудком проще, он еще не понял, что его ожидает, и, расслабленный сытным ужином, особо протестовать не будет. А экипаж... Я взглянул на хмурую физиономию Васеньева. Н?да... Что ж мне, прямо так взять и ляпнуть:

– Леди энд джентльмены! С сегодняшнего дня, с двенадцати часов по Гринвичу, в целях экономии имеющихся в наличии запасов суточный паек будет урезан в четыре раза. Благодарю за внимание!..

Что за этим последует? То?то и оно, и это в лучшем случае. А в худшем...

Я снова взглянул на Васеньева. Он почувствовал мой взгляд, повернул лицо. Я безмятежно улыбнулся ему. Валера, предполагая подвох, долго всматривался в меня, потом пожал плечами. Нет, начну лучше с дела. Пусть постепенно привыкают к мысли, что сытые времена кончились. С кормы я вытянул один из

пустых рюкзаков, тщательно вытряс его. На дно, бочок к бочку, уложил пять банок тушенки. За ними так же плотно – пять банок сгущенки. Прикинул, повздыхал и добавил еще по банке. В карманы распихал, предварительно завернув в полиэтилен, сухари и сахар. Рюкзак затянул, к горловине привязал запасной спасжилет, чтобы в случае чего он не утонул.

Салифанов заинтересованно наблюдал за моими действиями.

– Ты решил столоваться отдельно? – наконец поинтересовался он.

– Я оттащил рюкзак к мачте, накрепко привязал его к трубам.

– Внимание всем! – громко объявил я, пытаюсь привлечь общее внимание. – Здесь находится НЗ. – Я сделал многозначительную паузу, на всякий случай расшифровал:

– Неприкосновенный запас!

– А что мы будем есть? – насторожился Валера.

– Вначале это, – обвел я пальцем сушащиеся продукты. – Потом то, что в рюкзаке.

– Вот это? – брезгливо поморщилась Войцева. – Это же несъедобно!

– Это дома несъедобно! – с нажимом прервал я ее. – Здесь выбирать не приходится.

– Он почти прав, – неожиданно поддержал меня Сергей.

– Кроме того, паек придется урезать вчетверо! – сказал я, как в ледяную воду бросился, даже дыхание задержал, ожидая ответных реакций.

– Это сколько? – напряженно спросил Валера.

– Это шестьсот калорий, – расшифровал я.

– Я калории в ложку не положу, – не удовлетворился он моим ответом. – Что это – шестьсот калорий? Килограмм мяса? стакан сметаны? Как это выражается материально?

На такой вопрос ответа у меня заготовлено не было.

– Это ровно столько, сколько понадобится тебе, Валера, чтобы продлить агонию на месяц, – мрачно пошутил Сергей.

– На три недели, – немедленно уточнил я.

– А что через три недели? – наивно спросила Войцева.

На «детские» вопросы отвечать труднее всего. Откуда я знаю, что будет через три недели.

– Придумаем что?нибудь, – бодренько ответил я.

– А нельзя это придумать сейчас, а не через три недели?

– И вообще, на что ты надеешься? – продолжил Салифанов. – Не на манну ли небесную?

– Во?первых, этих запасов при пайке, урезанном в четыре раза, хватит на три недели, – повторил я.

– А почему всего в четыре? Давай в двенадцать, тогда их хватит на девять недель. А если урезать еще, мы сможем питаться до Нового года. А там, глядишь, море замерзнет, и мы пешком дойдем до берега, – Валера явно издевался.

Я почувствовал, что меня тянет на грубость.

– погоди, не мешай, – защитил меня Сергей. – Пусть выскажется. На рею мы его всегда успеем вздернуть.

- Спасибо, - поблагодарил я и продолжил:

- Во?вторых, за двадцать один день, о которых я говорил выше, мы, надеюсь, встретим судно или берег.

- Сильно надеешься? - ехидно поинтересовался Васеньев.

- Здесь от берега до берега меньше полтысячи километров. Это десять ходовых дней, даже если мы будем делать в сутки по пятьдесят километров, - объяснил я.

- И от берега до людей еще пятьсот километров по пустыням, - негромко заметил Сергей.

- Хорошо, тогда у нас есть третий вариант. Повернуть на сто восемьдесят градусов и вернуться в Аральск! - выпалил я.

Все замолчали и, не сговариваясь, взглянули за корму. Возвращаться не хотелось.

- Не получится. Ветер не тот, - неуверенно возразил Валера.

- Сбросим паруса. Будем дрейфовать до смены ветра, - нажал я. Главное было сбить Валеру с мысли. Пусть он лучше ищет доводы, доказывающие невозможность возвращения. Убеждая меня, он в первую очередь отрезает пути отступления себе. Его задетое за живое самолюбие сыграло с ним злую шутку. Он шел в атаку азартно, не удосуживаясь продумать до конца, чего я добиваюсь. Главным для него было - не соглашаться со мной, чего бы это ни стоило и чего бы ни касалось.

Если бы в тот момент я сказал, что Земля - шар, он бы непременно стал доказывать ее блинообразность.

Пусть лезет на рожон, пусть орет, размахивает руками, а когда увязнет в своей теории по самые уши, я поставлю его перед дилеммой: либо признать полную несостоятельность своих выводов, попросту назвать себя глупцом, либо принять мое предложение.

– Ну какой ветер? – горячился Васеньев. – Здесь преобладают северные ветры. Пока мы дождемся чего?нибудь более подходящего, нас унесет черт знает куда!

Салифанов, кажется, раскусил мою тактику. Он хитро поглядывал то на меня, то на Валеру, еле заметно усмехаясь уголками губ.

– Хорошо, тут ты прав, – легко поддался. – Но можно, пока мы в заливе, подойти к любому берегу и отсидеться на песочке.

– Подождать у моря погоды, – вставил Сергей, подсовывая Валере кончик следующей мысли.

Я даже испугался, что сейчас Васеньев разгадает мою комбинацию, и тогда с ним будет не сладить. Но Васеньев зло взглянул на Салифанова и, не задумываясь, словно безмозглый голодный ерш, клюнул, просто?таки заглотал предложенную ему наживку, хотя она была несвежая и малоаппетитная на вид. Им сейчас руководили только эмоции.

– Вот, вот! Сколько ждать этой самой погоды у этого самого моря?! – почти закричал он. – День, два? А может, неделю или три? Что вы глупости городите? К какому берегу выходить? А если мелководье? Мы уже раз сидели на баллонах. Слава богу, откопались! – Валера громил нас, выстреливая аргументы один за другим, как тяжелые стенобитные снаряды. Он был на коне! Парил над полем брани, повергал в страх своих противников. Он уже видел близкую победу, от чего получал немалое удовольствие.

– А если камыш, плавни? Как мы оттуда выберемся?

Вплавь? Я плавать не умею, – немедленно отозвалась Монахова.

– Она плавать не умеет! – трагически воскликнул Валера, ткнув пальцем в сторону Монаховой. Он многозначительно замолчал, подчеркивая несостоятельность наших предложений, а возможно, и их трагическую направленность.

– Нет, я чуть?чуть умею плавать, – испугалась Монахова.

– Чуть-чуть не считается, – отмахнулся Валера.

– А знаешь, он прав, – задумчиво сказал я. – Нельзя поворачивать!

– Хорошо разложил, профессионально! – согласился Салифанов.

– Ну вот, я же говорил! – торжествовал Валера. Его противники лежали поверженные и, подняв руки, из которых выпало оружие, молили о пощаде. Мне казалось, что из его глотки сейчас вырвется победный вопль индейцев племени команчи.

– Поворачивать нельзя, плыть надо, – повторил я. – А паек урезать!

– Зачем? – опешил Валера.

Он не хотел расставаться ни с лавровым венком победителя ораторского турнира, ни с сытными обедами.

– Ты же сам говорил, что на берегу можно сидеть и неделю, и три, – напомнил я. – Так уж лучше, рассчитав продукты на те же три недели, идти вперед.

Валера понял, что его поймали. Наглым образом заманили внутрь клетки аппетитным куском и захлопнули крышку. Он беспомощно оглянулся, ища поддержку. Но кто его мог поддержать? Он же только что одержал блистательную победу. Это он, не кто-нибудь, обосновал невозможность проведения в жизнь варианта № 3 – возвращение в Аральск. Мы, Салифанов и я, были его слабыми жертвами. Жалеть и морально поддерживать надо было нас. Валера попался. Со всех сторон его окружали красные флажки. Податься было некуда. Он должен был либо сдаться на милость победителя, либо погибнуть. Он сдался.

– Конечно, можно и вперед, – трудно расставаясь с каждым словом, проговорил он. – Но, наверное, мы встретим судно за две недели.

Сдавшись в главном, Васеньев начал торговаться в частностях. Он предпочитал лучше один раз наестся до отвала, пусть даже с риском в дальнейшем погибнуть от голода, чем немедленно, а значит, болезненно, перейти на

голодный паек. Русское «авось» убеждало не спешить с выводами.

- Нет, Валера, рассчитывать будем на три недели! На три! - твердо заявил я.

Васеньев пожал плечами. На обострение не пошел. Его самолюбие, по крайней мере в собственных глазах, не страдало. Выиграв крупную битву, можно позволить себе проиграть мелкий бой.

- Решение будем считать принятым коллегиально? - подвел я итог дискуссии.

- Подписуюсь, - кивнул Салифанов.

Васеньев что-то невнятно буркнул. Девчатам было все равно. К еде, равно как и к ее отсутствию, они относились гораздо спокойнее сильного пола.

- Решение фиксирую в судовом журнале, - пугнул я. - После чего оно вводится в ранг закона!

- А если кто-нибудь нарушит? - спросила Войцева.

- Будем наказывать! - сурово, без тени улыбки, ответил я.

- Как наказывать? - вновь спросила Войцева.

- Как-нибудь.

На том и порешили.

Глава 6

Через полтора часа показался берег. Желтым блином расплзся он по линии горизонта,

– Кокарал, – опустив подзорную трубу, уверенно заявил Салифанов, – больше быть нечему.

Вытащили карту. Долго вертели ее, обмеряли, шевелили губами, переводя сантиметры в километры. Действительно, все указывало на то, что лежащая впереди земля была островом Кокарал. Осматривались больше часа. Берег притягивал взгляды и мысли.

– А зачем нам Кокарал? – не к месту спросила Войцева.

– Может, там вода есть? – предположил Васеньев.

– По идее – должна, – поддержал его Сергей. – Говорят, там даже рыбацкие поселки имеются.

Воды на Кокарале, конечно, не было. Да и поселки, где можно было ее взять, давно занесло песком. Уровень моря падал с каждым годом. Сотни тысяч кубометров воды из стока Аму?и Сырдарьи выбирались на орошение пустынных земель. Земснаряды грызли дно, углубляя фарватер. Соленость воды стремительно повышалась, рыба либо гибла, либо уходила в поймы пресноводных рек и места, где били донные родники. Рыболовство хирело. Прибрежные поселки, обычно оживленные во время летней путины, разрушались, приходили в запустение. Люди перебирались на материк. Единственное, что мы смогли бы обнаружить на Кокарале – это обветшалые глинобитные стены и сгнившие остовы брошенных лодок. Делать там было нечего.

Но очень хотелось хоть ненадолго выйти на землю, повалиться на песочке, ощутить под собой что?то твердое, по?настоящему устойчивое.

Остров располагался почти по курсу, крюк составит не более пятнадцати?двадцати километров. Почему не зайти?

– Ну что, рискнем? – озорно подмигнул Салифанов. Четыре пары глаз вопросительно воззрились на меня.

– Давай! – махнул я рукой.

– Есть такое дело! – гаркнул Валера, крутнул румпель.

Остров сдвинулся влево и встал точно по курсу. Теперь миновать его мы не могли. Пока суд да дело, решили провести медицинские обследования. Это входило в каждодневные наши обязанности. Плавание плаванием, а научную программу, будь любезен, выдай. Еще дома, в стенах одного почтенного медицинского учреждения, нам популярно объяснили, что климатогеографические условия, в которые нам предстоит попасть, во многом уникальны. А влияние на организм человека жаркого климата еще до конца не изучено и упустить такие возможности было бы форменным преступлением...

– Готовьтесь! – предупредила нас Монахова, раскладывая на расправленном спальнике инструменты. – Я жду!

Ровно разложенные градусник, фонендоскоп, тонометр внушали невольную тревогу. В памяти всплывали названия безнадежных недугов и жуткие истории болезней. Хотелось сломя голову бежать в районную поликлинику просвечиваться, прослушиваться, простукиваться, спасая свою драгоценную жизнь.

– Не промок инструментик?то? – в надежде оттянуть обследование еще хотя бы на полчаса спросил Сергей.

– Все цело! – сухо успокоила его Монахова, вдела в уши трубки фонендоскопа.

Лицо ее стало вдруг многозначительным, отрешенным. Эскулап, честное слово! Даже на «ты» как?то стало неудобно называть. Какая она теперь Наташка!

– Кто идет первым? – сурово спросила Монахова и вперилась вопросительным взглядом в меня.

– Чуть что, сразу Ильичев! – возмутился я. Наташа тяжело, словно поворачивалась башня танка, перевела глаза на Салифанова. Под ее давящим взглядом тот засуетился, заулыбался заискивающе.

– Я пока в регистратуру за карточкой сбегаю! – попробовал отшутиться он.

– Салифанов, ко мне! – резко скомандовала Монахова, вспомнив, видно, что чем проще и короче приказ, тем лучше он воспринимается исполнителем.

Конечно, можно было попытаться составить фразу по-другому, не так обидно, а то получилась какая-то собачья команда. Салифанов это немедленно заметил.

– Я тебе не доберман-пинчер! – возмутился он и надел на лицо выражение крайней обиды. Теперь у него появилась формальная причина увильнуть от обследований.

– Мне что, больше всех надо? – поставила вопрос ребром Монахова.

– Наверное, больше, иначе б ты этим не занималась, – предположил Валера.

– Это ему надо, – ткнула в меня пальцем Наташа. – Я сюда ехала только плыть! – Она громко захлопнула папку с бланками тестов.

– Значит, с него надо начинать, – рассудил Салифанов.

Пришлось идти на уступки. Обследования вновь начались с меня.

Деревянными ногами я подошел к Монаховой. Если бы у меня был хвост, я, наверное, усиленно завил бы им из стороны в сторону, выказывая свою преданность и любовь. Но хвоста у меня, к сожалению, не было, и я ограничился комплиментом:

– Ты сегодня прекрасно выглядишь! Как академик Пирогов!

– Сядь! – не дала себя расслабить Наташа. Я безвольно опустился на настил.

– Начнем с забора крови! – зловеще известила Монахова, приподнялась и вытянула из-под себя стерилизатор.

В его металлическом нутре что-то страшно звякнуло. Я отшатнулся, но было поздно. На запястье моей правой руки мертвой хваткой профессионала-дзюдоиста сжались ее пальцы.

– Не надо дергаться! – предупредила она. – Не так уж и больно. Она вытащила ватку, смочила ее спиртом и тщательно обтерла мой безымянный палец.

– Руки надо чаще мыть, – между делом заметила она.

– Это пигментация кожи, – запротестовал я.

– Я вижу, – поморщилась Монахова и отбросила в море заметно почерневшую ватку.

Салифанов, стараясь чтобы никто не заметил, тут же, как бы случайно, макнул руку в воду и стал шаркать ею о штаны. Татьяна пристально взглянула на него.

– Пятно на штанах, вот здесь, – попытался объяснить он свои действия. – Откуда взялось, ума не приложу. – И стал тереть уже с явно показным усердием. Монахова в это время сильно сжала с боков мой палец и вытащила остро заточенную лабораторную бритвочку. Я заметно побледнел. Палец, в свою очередь, наоборот, приобрел здоровую розовую окраску. Вся кровь, схлынувшая с лица, наверное, собралась в нем. Сейчас Монахова проколет кожу и...

– Давай быстрее, – поторопил я.

Терпеть уже не было сил. Лучше уж сама боль, чем ее ожидание. В моем воображении бритвочка уже столько раз вонзалась в палец, что он стал похож на подушечку для иголок.

– Я лучше знаю, когда, кому и что делать, – нравоучительно пояснила она и еще сильнее стиснула мой бедный палец.

– Ты аккуратнее! – охнул я.

Монахова с размаха воткнула свой инструмент, кожа хрустнула и поддалась. Она для верности нажала еще раз. Наверное, с таким же садистским удовольствием свирепые янычары вонзали свои кривые ятаганы во впалые животы ненавистных противников.

– «Но в горло он успел воткнуть и там два раза повернуть свое оружие... Он завыл...» – процитировал Салифанов.

Наташа неотрывно смотрела на мой палец. Казалось, она взглядом хотела высосать из меня всю кровь.

– Ну! – с угрозой произнесла она.

– Стараюсь, – попытался оправдаться я. И действительно, старался, даже кряхтел от натуги. Крови не было! Куда она подевалась, проклятая? Я честно пытался отыскать ее в лабиринтах аорт, сосудов, вен и капилляров и направить к злосчастному пальцу. Но не мог наскрести даже жалкую каплю. Организм из чувства самосохранения не хотел расставаться со скудными запасами лейкоцитов, красных кровяных телец и т. п. Они ему сейчас были нужны внутри гораздо больше, чем на лабораторном стекле. Монахова стала недвусмысленно коситься на мой средний палец.

– Ты что задумала? – испугался я.

Наташа отщипнула еще кусочек ватки, опустила его в спирт. Я попытался выдернуть руку, но Наташа была начеку. Она еще крепче сжала палец и, то ли из-за этого, то ли из-за испуга, на желтую кожу выдавилась темно-красная капелька крови.

Наташа с сожалением взглянула на облюбованный палец и отложила ватку.

– Вот видишь, все нормально, – облегченно вздохнул я.

Монахова взяла длинную стеклянную трубочку и попыталась втянуть каплю крови внутрь. Красный столбец поднялся до середины.

– Еще надо, – строго сказала она.

– Разве я против, Наташенька, хоть всю заberi. Если сможешь! – щедро разрешил я.

– Тогда не утягивай руку! – потребовала Монахова и, удобнее перехватив, стала выдавливать из пальца кровь, как из пустого тюбика зубную пасту.

– Может, его за ноги потрясти? – предложил свои услуги Салифанов.

Понемногу, трудно расставаясь с каждым миллиграммом, отдавал я свою кровь. Была она густая, вязкая и темная на вид. Никогда раньше такой не видел. Ограничение воды и жара уже начали сказываться.

– Отдыхай пока, – милостиво разрешила Наташа, выдавив из меня положенную норму. – Следующий!

– Сереженька, жертвуй своей голубой, – широким жестом пригласил я на свое место Салифанова.

Теперь я был в лучшем, чем остальные, положении.

То, что я уже пережил, им еще только предстояло. Сергей с явной неохотой приблизился к «лаборатории».

– Слава советским ветеринарам! – приветствовал он Монахову.

Та не реагировала, мыла в спирте бритвочку. Сергей, применив испытанный лыжный способ, придуманный для согревания конечностей, стал махать рукой, вгоняя центробежной силой кровь в пальцы. Когда бритвочка проколола ему кожу, кровь прямо?таки брызнула.

– Учись, доходяга! – продемонстрировал он мне свой кровоточащий палец. – Против законов физики не попрешь!

– Ильичев, измерять температуру! Салифанов, заполнять тесты! – распорядилась Монахова.

– Васеньев, в разделочную! – в тон ей продолжил Сергей

Я послушно вытянул из медицинского чемоданчика градусник. Ртуть замерла против цифры 39.

– Опять чемодан на солнцепеке оставили! – начал ворчать я. – Сколько можно говорить Хотите, чтобы последний градусник лопнул от перегрева.

– Ильичев, займись делом, – остановила мое словоизвержение Монахова.

Я затих и сунул градусник под мышку. Во время обследований перечить Монаховой было опасно. За семь минут я остудил градусник до 37 и двух. Монахова придирчиво изучила шкалу, записала в журнале показания

– Теперь в ротовой полости! – приказала она. Я снова взял градусник, который уже нагрелся до тридцати девяти градусов, согнал ртуть вниз шкалы, обтер и, стараясь не задеть стекло зубами, сунул его в рот. Щеку подпер ладонью и приготовился ждать. Валера в это время боролся с динамометром. Зажав его в правой руке, он несколько раз шумно выдохнул воздух, будто собирался выжимать стокилограммовую штангу, и сильно сжал пальцы. Стрелка лениво скользнула вправо.

– Ну?у! – дико заорал Салифанов. – Давай, Валерка, тужься! Ломай ей пружину! – Васеньев покраснел, глаза его широко раскрылись. – Ну?у?у, – активно болел Сергей, – еще чуть?чуть. Еще. Штаны береги, а то резинка лопнет!

– Не мешай! – прохрипел Васеньев, свободной рукой попытался отодвинуть его в сторону, но Сергей быстро опустился на колени, приложил ухо к Валеркиному животу. Лицо его помрачнело.

– Все! – с ужасом сказал он. – Пупок треснул! Я слышал! Не выдержал напряжения!

Валера хрюкнул и, разом выдохнув воздух, захохотал.

– Уберите этого шута, – просмеявшись, потребовал он. – Я не могу работать в таких условиях!

– Кабы не пупок, ты бы его в лепешку смял, – пожалел Сергей

Меня тоже разбирал смех, но позволить себе проглотить градусник я не мог. Все?таки он – последний.

Васеньев, успокоившись, снова сжал динамометр, но первоначального своего результата достичь не смог. Салифанов был доволен. Теперь он становился единоличным лидером в этом оригинальном виде соревнований. Еще некоторое время Васеньев удерживал пружину динамометра в сжатом состоянии, проверяя мышечную выносливость Войцева следила за секундной стрелкой на часах.

- Все! - вздохнул Валера и разжал пальцы.

- Сорок три секунды, - продиктовала Татьяна

- Слабак! - хмыкнул Сергей. Он сидел, обложившись бланками тестов и весело чиркал одному ему ведомые цифры. - Вот сюда я поставлю плюстик, а здесь влеплю минусик, - комментировал он. - А сюда снова плюстик. Что мне, жалко, что ли.

Закончив с температурой, я тоже взял один из бланков.

«Чувствуете себя сильным или слабым?» - прочитал я первый вопрос. Как ответить? Для того чтобы работать, я слишком слаб. Для того чтобы спать, слишком силен.

Зачеркнул нейтральный нуль, что фактически обозначало «не знаю».

«Пассивный или активный?» Ну вот опять. Для того чтобы умять двойную пайку обеда, моей активности хватит с избытком, но вот, если, например, надо крутить рулем, тут я сомневаюсь. Напишу пассивный балла на два, пожалуй. Я вычеркнул цифру - 2.

Кто, интересно, умудряется придумывать такие вопросы? На любой можно ответить взаимоисключаяще. Остальные вопросы касались моих надежд и разочарований, здоровья и болезней, печалей и скрытых желаний. В общем, ерунда всякая, на которую тем не менее приходилось отвечать максимально честно.

Наконец заполнил все бланки, собрал их в стопочку и сунул Монаховой.

- Андрей, готовься к пробе Штанге?Генча! - предупредила она меня.

- Наташ, помилосердствуй! - взмолился я. - Дай отдышаться!

- Ладно, перерыв пятнадцать минут, - согласилась Монахова.

Вздохнули свободно. Четверть часа можно жить! Салифанов выудил откуда?то из?под грота помятый «бычок», со вкусом раскурил его, прислушиваясь к своим ощущениям.

- Совсем дурной нынче стала наука, - заявил он, выпуская через ноздри сильные струи дыма. - Раньше сидел себе какой?нибудь плюгавенький алхимик в чулане и, знай себе, лепил открытия одно за другим. Милое дело. И себе удовольствие, и другим жить не мешал. Чудненько! Если что?нибудь не то нахимичил, ему головушку оттяпают, только и всего, соседи даже ничего и не заметят. А сейчас наука нужна кому?то там, а кровушку из нас сосут здесь. Вурдалаки, а не ученые. И еще голову ломают идиотскими вопросами. «Нравятся ли мне в женщинах мужские черты?» Каково, а? Или «Появляется ли у меня желание прыгнуть вниз, когда я нахожусь на высоте?» - Сергей потряс в воздухе кипой бланков. - Я не то что с высоты сигануть, я в петлю буду готов скоро полезть от такой жизни!

Сергей сделал последнюю затяжку, затушил окурок, который теперь был еле виден в его пальцах, и запрятал вновь в складки паруса.

- Теперь можно продолжать. Берите меня тепленького. Я - ваш! - мрачно сказал он.

Монахова не заставила себя просить дважды. Споро замерила у него пульс, давление и уложила на спальник.

- Вот этот тест мне нравится больше всего, - заметил Салифанов, устраиваясь поудобнее. - Хоть полежать можно.

Монахова вытащила из чемоданчика два небольших матерчатых мешочка, набитых песком.

- Готов? - спросила она.

– Всегда готов! – бодрым пионерским приветствием ответил Сергей. – Валяй, издевайся! – И он зажмурил глаза, смиренно сложив руки на груди.

Наташа аккуратно уложила мешочки ему на закрытые веки. Нашупала пульс.

– Если усну – не будите, – притворно слабым голосом попросил Сергей.

– Не разговаривай! – оборвала его Наташа. Сергей чуть шевельнулся, и один из мешочков упал. Монахова снова водрузила его на место.

– Ильичев, придержи сбоку, – попросила она.

– Может, сверху надавить? – злорадно предложил я. Салифанов забеспокоился:

– Отгоните этого олуха, а то мне до конца жизни придется плакать мокрым песком!

– Замри, наконец! – взревела Монахова. Ее терпению пришел конец.

От неожиданности я чуть не проглотил градусник, закашлялся. Столь мощный рык на некоторое время возымел действие, все затихли. Работали молча, с опаской поглядывая на разбушевавшуюся Наташу. Как бы не зашибла ненароком.

Сергей безропотно подставлял руку для замера пульса и давления, вставал, когда надо было вставать, лежал не шелохнувшись, когда требовалась неподвижность. Пай?мальчик! Любо?дорого смотреть!

Уже через полтора часа с наукой покончили. Завершали обследования, как всегда, корректурными пробами. Единственный тест, который можно было проводить оптом, всем вместе. Монахова раздала бланки, на которых ровными строчками были напечатаны буквы. Бессмысленный, непрерывный текст. Ни промежутков, ни знаков препинания. Одно сплошное ПРГЮДЩГЕ... Приготовили карандаши, уселись поудобнее. Монахова заметила точку отсчета на циферблате часов.

– Сегодня вычеркиваем – Т, подчеркиваем – О, – выпалила она. – Время пошло!

Лихорадочно пробегая по строкам, я разыскивал указанные буквы. Т – зачеркивал жирной диагональной чертой, О – подчеркивал снизу. Моей задачей было успеть сделать как можно больше при наименьшем количестве ошибок. Буквы менялись каждый раз, и привыкнуть к ним было невозможно.

– Минута! – оповестила Наташа.

Все поставили заметные вертикальные линии Рука, торопясь, летит по странице, опережая глаза. Четыре ошибки я уже сделал точно. Исправлять нельзя, да и некогда. Надо спешить.

– Вторая минута!

Вертикальна черта – и снова сломя голову бегу по тексту.

– Время! – командует Монахова.

По инерции я еще зачеркиваю пару букв, ставлю завершающую вертикальную черту. Внизу бланка вписываю свою фамилию, число, время заполнения. Все! Обследования закончены. До полудня следующих суток я свободен, как птица в полете.

Блаженно вытягиваюсь на спальнике. Солнце печет, но в меру, не жестоко. Волна несильно плещет в корму.

Прямо по курсу вырастает из воды остров со странным названием – Кокарал.

– К вечеру заполните дневники, – напоминает Монахова, упаковывая свое хозяйство. Градусник, тонометр и все прочее, что может разбиться, она перекладывает ватой, засовывает в полиэтиленовые мешочки.

– А где часы? – растерянно спрашивает она. Начинает ворошить спальники. – Ну?ка, проверьте карманы! – приказывает она.

– Не трогай наши карманы! – злорадно останавливает ее Салифанов. – Там они. – Он показывает куда?то под себя.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/il-in_andrey/doyti-do-gorizonta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)